

ЕКАТЕРИНА ДЕ ГУК ДОХЕРТИ

МОЯ ВЧЕРАШНЯЯ РОССИЯ

Печатается по изданию:
My Russian Yesterdays
Catherine de Hueck Doherty (née Kolyschkine)
1990

Madonna House Publications
Combermere, Ontario K0J 1L0
Canada
www.madonnahouse.org
www.catherinedoherty.org

Екатерина де Гук Дохерти (Кольшкина)
1896-1985

Перевод с английского Геннадия Филькова
Редактор Тамара Разумова

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.....	9
Глава первая: БОГОРОДИЦА	11
Глава вторая: ДОМА.....	16
Глава третья: МЫ ПЕЧЕМ ХЛЕБ	23
Глава четвертая: МЫ УБИРАЕМ ДОМ	27
Глава пятая: ТРАВЫ, КОТОРЫЕ МЫ СОБИРАЛИ	31
Глава шестая: ДЕЛО РУК НАШИХ.....	37
Глава седьмая: И ЖИЗНИ ПОЛОТНА... ..	45
Глава восьмая: НА БОГОМОЛЬЕ	52
Глава девятая: РОЖДЕСТВО В СТАРОЙ РОССИИ.....	58
Глава десятая: ПАСХА В СТАРОЙ РОССИИ	63
Глава одиннадцатая: МЫ МОЛИМСЯ	69
Глава двенадцатая: БЕРУ ТЕБЯ В ЖЕНЫ.....	76
Глава тринадцатая: УПОКОЙ, ГОСПОДИ.....	85

Введение

«Эти простые страницы я посвящаю Божьей Матери Фатимской... Ведь знает Она, как сильно и глубоко любили Ее (да и сейчас любят) в России, называя сотнями разных имен. Вот почему испрашивает Богородица благодати земле, для которой Она стала основой всей жизни».

Этими словами в 1957 году Екатерина Колышкина де Гук Дохерти предварила оригинал американского издания книги «Моя вчерашняя Россия» ("My Russian Yesterdays"). Ясно, что ситуация, в которой была написана книга, совершенно отличается от той, в которой мы живем сегодня. Для типичного жителя Северной Америки, незнакомого с русской духовностью, Россия, с ее сталинским ярмом, была чуждой страной, внушающей недоверие и страх. Однако Екатерина знала Россию как источник богатого христианского наследия, которым ей так хотелось поделиться со своей новой родиной. Это было что-то большее, чем ностальгические воспоминания детства. Екатерина была убеждена: образ жизни, при котором проходило ее воспитание, включал в себя элементы подлинной жизни по Евангелию.

Она предупреждала читателей, что они не найдут в ее книге ни исторических, ни политических, ни экономических откровений. По ее словам, книга состоит из ряда очерков о повседневной жизни обыкновенных русских людей до революции и о роли, которую играла вера в их жизни.

Неудивительно, что вера – неотъемлемый элемент воспоминаний Екатерины, самая яркая черта этой дочери России, выброшенной на берега Запада штормом революции и прожившей там очень долгую жизнь.

Екатерина родилась в Нижнем Новгороде в 1896 году. Детство прошло под сильным влиянием

православной веры. Тем не менее, на взгляды семьи оказал воздействие Владимир Соловьев. Так как отец Екатерины, Федор Федорович Колышкин работал в русской страховой компании и ему часто приходилось выезжать за пределы России, девочка постоянно находилась в атмосфере разных языков, культур и идей. В Тамбове у Колышкиных был семейный особняк, и они выезжали туда на все лето. Именно эта сельская жизнь и вера запечатлелись навсегда в сердце Екатерины.

Книга «Моя вчерашняя Россия» описывает воспитание детей по Евангелию. Екатерина выросла с сознанием того, что Христос живет в бедных, что Пресвятая Троица обитает в каждом человеческом сердце и что молитва вплетается в ткань повседневной жизни. Ее научили делать любую физическую работу в духе любви и уважения к дарам Господним. Время, труд и человеческие отношения освящены тем, что Сам Бог принял человеческую плоть и ходил по земле. Жизнь – это Его дар, который следует возвращать Ему с любовью каждое мгновение.

Вскоре после того, как Екатерина вышла замуж за Бориса де Гука, сына богатого промышленника из Санкт-Петербурга, она и ее муж были вовлечены в водоворот Первой мировой войны и Октябрьской революции. Многие члены их семей были арестованы и убиты. Супруги бежали в Финляндию, потом в Англию и, наконец, в Канаду. В 1921 году родился сын. Еще в Англии Екатерина стала членом Римско-католической церкви.

Екатерина была убеждена, что причиной русской революции было то, что христиане перестали жить по вере. Перед лицом смерти она поклялась Богу, что, если выживет, отдаст Ему свою жизнь. В чужой стране ей пришлось бороться за выживание, борясь со страшной нищетой, прежде чем, наконец, она приобрела материальное благополучие и достигла

профессионального успеха как лектор. Именно тогда она вспомнила свою клятву военного времени, и слова Христа, обращенные к богатому юноше, стали попадаться ей каждый раз, когда бы она ни открывала Библию: «Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и приходи, следуй за Мною».

Что это значило? Чего хотел от нее Бог? С Борисом они уже расстались, но она не чувствовала призвания уйти в монастырь. Желание, которое стало зарождаться в ее сердце, было чисто по-русски однозначно и просто. Она продала все, что имела, сняла комнату в трущобах Торонто и стала жить там, разделяя участь бедных, в которых она видела Лик Христа. Она просила то, в чем нуждалась, и делилась этим подаянием с бедными. Она откликалась на любую нужду и служила людям просто по-соседски.

Привлеченные ярким примером жизни по Евангелию, к Екатерине присоединились другие люди. Они организовали общину, которая позднее стала известна как Дом Дружбы. Вначале это произошло в Торонто, в Канаде, а потом в негритянских районах Нью-Йорка, в Чикаго и других американских городах. В тридцатые и сороковые годы это движение стало острием борьбы за социальную справедливость в Северной Америке. Екатерина проповедовала не только словами, но и своей жизнью, свидетельствуя о том, что когда христиане проповедуют жизнью то, во что верят, преобразуется вся жизнь.

В 1947 году Екатерина вместе со своим вторым мужем Эдди Дохерти, американским журналистом ирландского происхождения, вернулась в Канаду, и в ее работе и призвании началась новая фаза. Появилась новая община, состоящая из мирян – и священников. Ее назвали Домом Мадонны – Домом Божьей Матери, а предназначение его состояло в том, чтобы стать общиной воплощенной любви. Его члены были призваны любить и служить друг другу и всем,

кто туда приходит, служить каждым шагом, каждым движением. Жизнь свята, и любое дело, выполненное человеком с любовью и предложенное Богу, становится молитвой.

Таково представление Екатерины о жизни Богородицы, Христа и святого Иосифа в Назарете. Жизнь виделась Екатерине как единая неразрывная христианская ткань, когда она вспоминала своих родителей и тех, кто их окружал в дореволюционном Тамбове.

Было ли все так на самом деле? Существовал ли мир детских воспоминаний Екатерины вообще? Она первая признавала неизбежные противоречия между истиной, наполняющей человеческое сердце, и нашей неспособностью жить по ней. Но в своем сердце она инстинктивно сохранила детскую способность сосредоточиваться на том, что в мире вокруг нее остается незыблемым и истинным. Пережив войну и революцию, она поняла, что бедность и личная трагедия никогда не забудутся, но если посвятить жизнь Богу, она будет излучать любовь и радость. Жизнь в годы формирования Екатерины была основана на христианских ценностях, и это стало наследием, которое она передавала в мир, обезумевший в погоне за материальными ценностями, в котором человек потерял знание Бога и вместе с этим – смысл жизни.

Екатерина, особенно в последние десятилетия, стала мостом между Востоком и Западом. Дорожа духовными традициями своей русской юности, она считала, что они вполне могут дополнить духовность Церкви Запада. Ее личным даром была способность применять традиционные духовные понятия в повседневной жизни простых христиан. Источником такой способности стал опыт, описанный в книге «Моя вчерашняя Россия».

Екатерина Федоровна умерла 14 декабря 1985 года в северном Онтарио, в Канаде, среди сосен и берез,

которые так сильно напоминали ей о любимой родине. Сама она так и не сумела вернуться в Россию и, наверное, даже не мечтала о том, чтобы ее духовные дети в 1993 году открыли отделение Дома Мадонны в далеком городе Магадане, на дальневосточной окраине России. Она и не помышляла о том, что духовные традиции, которые она сохраняла в сердце и передавала людям из мира ее пожизненной ссылки, снова вернуться в страну, где они зародились. Ее первая книга «Пустыня», ставшая духовной классикой, была переведена на русский язык и опубликована в Магадане в 1994 году.

Книга «Моя вчерашняя Россия» по своей сути стала даром любви. Первоначально она была задумана как выражение любви к ее родной земле и преподнесена с любовью стране, принявшей ее как беженку. Вместе с переводчиком Геннадием Фильковым и Альвиной Воропаевой, переведшей другие книги Екатерины, мы предлагаем «Мое русское прошлое» всем землякам Екатерины, которые не стремятся вновь вернуться в идеализированное прошлое, а хотят жизни по Евангелию – жизни, являющейся уникальным продуктом истории и культуры ее родины. Думаю, что эта книга сама по себе представляет собой дар для всего христианского мира.

Мириам Стульберг,
Дом Мадонны, Магадан,
Январь 1995 года

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Не ждите, дорогие друзья, что книга эта поразит вас политическими,

экономическими или историческими разоблачениями. Ничего подобного. Это всего лишь простая книга, которая не претендует ни на что большее, чем просто соответствовать своему названию. Это серия зарисовок, или очерков о повседневной жизни обычных русских людей и о той роли, которую играет в их жизни вера.

Слово «вера», возможно, и есть ключ к этой книге. Я хочу показать глубокую, стойкую веру моего народа в Господа и в дела Господни, каковы они были «тогда» и каковы они, я верю твердо, остались и «теперь» в глубине их душ и сердец.

Я верю, что пример этой простой, но глубокой веры может помочь и нам в современном, полном сложностей и опасностей мире найти дорогу назад, к миру и спокойствию Божьего мироздания!

Обычаи, праздники, молитвы и кулинарные рецепты, которые вы найдете на страницах этой книги, характерны и для католиков, и для православных в России. В те дни Польша, Литва и большая часть католической Украины официально составляли неотъемлемую часть России. Неофициально же смешанные браки, плотная населенность, приток русских в католические районы государства и наоборот – все это оказывало свое влияние. Опять же, не следует забывать, что Реформация и плоды ее едва ли коснулись широких русских просторов. Католики и православные сходились почти во всем. Протестантизма в стране почти не было. А потому с легкостью вы найдете многие дореформаторские обычаи, укрепившиеся в России и когда-то свойственные всему христианскому миру. На Западе

же, где все перемешалось с тех пор, они были утрачены. Я опишу их такими, какими узнала их, живя с семьей моей бабушки под Варшавой и моего дедушки под Москвой.

Эти простые страницы я посвящаю Божьей Матери Фатимской... Ведь знает Она, как сильно и глубоко любили Ее (да и сейчас любят в России), называя сотнями имен. Вот почему испрашивает Богородица благодати земле, для которой Она стала основой жизни.

Ведь пройди Россия весь путь к чертогам Господним, кто знает, не Она ли привела бы остальной мир к Христу? Она узнала бы многое на пути Гефсиманском... о том, как горька чаша сия... о том, каков мир с высоты креста.

Не отхлебнула ли Она уже из горького кубка гонений и преследований до кровавого осадка на дне? Не страдала ли Она на кресте строительства коммунизма более семи десятилетий?

И разве страдания и смерть, принятые в смирении, – не путь к воскресению? Божья Мать Фатимская, спаси землю моего народа. Верни его вновь к Себе. Верни его назад. Пусть Россия вновь открыто принадлежит Тебе. Пусть вновь вернуться к ней Твои святыни, а тонкие свечи, зажженные перед образами Твоими, осветят мир. Аминь.

Глава первая: БОГОРОДИЦА

Преданность Богородице была беспредельна в сердце прекрасной русской княгини святой Ольги, которая, как гласит предание, в девятом веке отправилась далеко за море, к златому граду Константинополю Босфорскому, дабы принять крещение.

Может так все и было, как предание гласит. Ясно одно: когда Богородица явилась с Сыном Своим, Святым Отцом Его и Супругом Своим небесным, то Она покорила сердца русские, чтобы остаться в них навечно. Немало есть стран, которые официально признали Ее, но только в России все люди приняли Ее Матерью своею и посвятили Ей себя.

Любовь России к Ней росла вместе с самой Россией. В литании к Богородице перечислены все имена, которыми называла Ее Россия. И в Ней отражена история самой России, ибо куда бы ни шли русские, Она шла впереди, чудесно являясь то в поле, то в городе, то на редуте, осеняя их благословением... И всякий раз какой-то одинокий художник в каком-нибудь глухом монастыре живописал это событие Ликом Ее.

И вот ... Святая Дева Казанская... Пречистая Матерь Божья Ченстоховская... Киевская Богородица... Тверская... Новгородская. За каждым этим Ликом – деяние, которое поспорит с чудесами Божьей Матери Фатимской или Лурдской.

Как кисеей, легкой и блестящей, но прочной беспредельно, «Та, Которая родила Спасителя», осеняет каждый уголок, каждую пядь земли русской. Осеняет людей и их судьбы. Наступит день, когда историки и художники узнают это и явят миру венец русских святынь, посвященных именно Ей, ибо в

необъятной земле этой нет города столь великого, как нет деревеньки столь малой, чтоб не имели какого святого места, часовни или иконы, возлюбленной народом и Ей посвященного.

Именно Богородица каждый предел земли русской знакомила с остальными пределами в те давние годы. Русские, как и все другие дети Ее по всему свету, обращались к Ней за сокровеннейшими благами, которые они чаяли получить от Сына Ее. И в воздаяние за великие блага Ее, в осознании греховности и ничтожности своей и с глубокой душевной благодарностью или же с мольбой неутоленной отправлялись в паломничество к одной из многих святынь Ее.

И шли они, постясь, босыми, одетыми в простые одежды, распевая акафист и славя имя Ее. Они знали силу поста и епитимьи, которые предлагали через Нее Пресвятой Троице, силу, дарованную Самим Господом Богом людям, чтобы могли они развязать руки милости Его и умиротворить руки справедливости Его. Вот один из акафистов, что поют Ей:

Радуйся, Мария, Матерь Божья, Матерь непорочная, утренняя звезда, сосуд совершенный.

Радуйся, Мария, Матерь Божья, храм святой, в коем Сам Бог был зачат.

Радуйся, Мария, Матерь Божья, голубица чистая и непорочная.

Радуйся, Мария, Матерь Божья, свет вечносияющий, Та, от Которой исходит Солнце Праведности.

Радуйся, Мария, Матерь Божья, что заключала в благом чреве Своем Его, Которого не объять.

Радуйся, Мария, Матерь Божья, вместе с пастырями мы поем хвалу Господу, с ангелами поем песнь благодарственную: Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человеках благоволение.

Радуйся, Мария, Матерь Божья, через Тебя к нам пришел Спаситель, прославленный Победитель адских сил.

Радуйся, Мария, Матерь Божья, в Тебе воссияло чудо Воскресения.

Радуйся, Мария, Матерь Божья: Ты спасла каждого верного христианина.

Радуйся, Мария, Матерь Божья: кто может восславить Тебя достойно, о благословенная, о славная Дева Мария?

И в ответ на каждое зывание слышалось: «Славословим Тебя, Матерь Божья!»

И через эти бесконечные, постоянные паломничества мужчины, женщины и дети всех сословий и состояний сходились вместе, восхваляя имя Ее, учась любить Ее и Сына Ее, учась любить друг друга.

Давным-давно, в темной глубине столетий, получила Она звание «Матери Тела Христова». Это было лишь иным выражением возвышенной идеи Священного Тела Христова, которое Запад потерял вскоре за Реформацией. Но Россия, которую минула Реформация, не теряла никогда. Как удалось ей? Ее Небесная Мать не могла допустить, чтобы Ее бесхитростные, благочестивые дети разбрелись прочь от святой сути веры своей.

Многие грани этой веры отражены в русской литературе – у Достоевского, Толстого, Чехова и, говоря по правде, даже у современных авторов.

Главная отличительная черта русского человека – жажда справедливости. В вечном своем стремлении к воплощению идеи Священного Тела Христова может он дойти и до ереси коммунизма. Но заметьте: не останется он надолго в этой ереси, ведь время на все нам отпущено Богом. Для него, любящего Мать Свою и сейчас, это невозможно.

В каждом русском доме много икон. Но в восточном углу спальни всегда висит икона Пречистой Девы. И слабо мерцающая лампада горит перед ней дни и ночи, сквозь годы. Ведь именно здесь начинается и заканчивается жизнь семьи.

К Богородице ведет жених свою невесту. Вместе преклоняют они колени перед кротким Ликом Ее, испрашивают благословения для супружеской жизни. Они просят Ее сделать так, чтобы жизнь эта прошла во славу Господа, Сына Ее.

Перед этой иконой молится мать, рождая дитя. Сюда же вскоре после рождения принесут младенца для благословения. Здесь же ребенок преклонит колени и произнесет свои коротенькие детские молитвы, как только чуть подрастет.

Перед иконой Богородицы будут держать семейные советы. И даже смерть оказывает Ей честь: это Она услышит последний шепот отца, матери или ребенка. Богородица – центр жизни каждой семьи в этой стране. Вот почему икона Ее висит в таком заветном месте.

Молитва на четках известна на Руси. Но она считается чрезвычайно священной и торжественной формой обращения к Божьей Матери. Лишь монахиням и монахам да немногим благочестивым мирянам дозволяется его чтение, причем последним – лишь с позволения духовника.

Старинным и почитаемым обычаем было упомянуть пречистую Деву Марию в своей духовной. Цари и простолюдины, князья и бедняки оставляли Ей по завещанию то лучшее, чем они владели – деньги, драгоценные камни, серебро и золото. Вот почему большинство известных икон в русских церквах были убраны так богато. Каждый камень, каждая серебряная вещь являли либо благодарность за милость Божью, либо мольбу о милости.

Кто не мог дарить дорогих вещей, приносили Ей свое рукоделие. Ее божницы в часовенках на особых престолах в церквах, в монастырях обычно были убраны искусно ткаными шелками и полотнами, над которыми трудились годами. Иногда на престолах Ее можно было видеть плоды и фрукты – дары от благодарных крестьян.

Старинное русское приветствие начинается словами: «Благослови тебя Господи», но слова прощания обращены к Марии: «Покрой нас от всякого зла честным Твоим амофором».

Имя Марии пронизывает всю службу. Оно наполняет многие ектеньи. Оно проходит через всю Литургию. К Богородице взывают на панихиде, молясь об усопшем. Она всегда присутствует в молебне – в прошении, обращенном к Богу.

Неисчислимы песнопения о Ней, церковные и народные. Ее иконами благословляют детей. Отчее благословение во всех главных событиях жизни – основа русского образа жизни. Отец или мать благословляют дитя иконой, отправляя его в школу, на свадьбу, на поиски работы, на любое дело, в болезни, в любой беде.

Богородице Дево – любимая молитва русских. В ней только ангельское приветствие: «Богородица Дево радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах, благословен плод чрева Твоего... Аминь».

Та, Которая родила Спасителя, возлюбила Россию, любима Россией. Ей да помолится всяк. Да покроет Она русский народ амофором любви Своей и доведет его в безопасности до порога Отчего дома...

И я, русская, молю Ее ежедневно о том же. Я заклинаю Ее величайшим из Ее имен – Супруга Духа Святого и Матерь Слова Отчего...

А вы, друзья мои, присоединитесь к молитве моей?

Глава вторая: ДОМА

«Мир вам, люди Божьи! – С миром принимаем».

Как знакома мне и как дорога память об этом приветствии, столько раз слышанном в детстве и в юности!

Должно быть, постоянные разговоры об уходящем мире, что кружатся вокруг меня и несутся из радио, газет и журналов, подвигли меня на дорогу в мое русское прошлое – дорогу, которую затем я проходила не раз.

Вот и вчера, например, растворилось мое нынешнее окружение, и вновь я очутилась в нашей громадной квартире в Санкт-Петербурге. Был вечер. Окончен ужин, убран стол. В большом камине столовой, самой любимой в доме комнаты, весело горел огонь. Мы с братом окончили домашние дела. Он был занят рисованием своих каких-то особых картин. Я сидела на полу и шила. Мама вышивала, а отец читал Евангелие завтрашней Литургии, останавливаясь то и дело, чтобы объяснить какое-либо неясное место.

А кругом стола – слуги, все занятые делом: кто стругает, вырезает, кто шьет, вяжет, кто кружева плетет. Слушают, что отец читает да разъясняет. Иногда кто-то переспросит или важно покивает, с пониманием. Во всей этой группе людей присутствует единство любви и гармония.

Вдруг легкий перезвон дверного колокольчика вмешался в эту сцену. Лакей поднялся и пошел отворять. Через несколько минут входит кто-то из друзей.

Вначале повернувшись к иконе, святому Лику Отца нашего Небесного, низко кланяется трижды, приветствуя незримого, но вечно присущего Хозяина

дома сего. А затем, повернувшись ко всем нам и кланяясь опять, говорит: «Мир вам, люди Божьи».

И все мы отвечаем дружно: «С миром принимаем».

Это христианское приветствие было столь обычно в моем детстве, и неудивительно поэтому, что все разговоры об исчезновении этого мира вернули меня к воспоминаниям о нем. В моем детстве *был* мир – глубокий, внутренний мир, который никто не мог отнять. И я уверена, что этот мир по-прежнему в сердцах всех русских детей сегодня – может, и больший мир, чем в мое время, так как ныне оплачен он дорогой ценой страданий.

Но сейчас вокруг меня мира нет. Быть может потому, что мы забыли про Источник его и не приветствуем более друг друга Его именем и не желаем друг другу Его мира...

Дом? Для меня это несколько мест. Один дом – та большая квартира в городе, где мы проводили зимы. Четырнадцать слуг поддерживали порядок, обслуживали гостей на многочисленных вечерах, входивших в должностные обязанности отца, обеспечивали наши потребности, что было самой малой частью их работы.

Невзирая на всю эту рабочую силу, мне не позволялось ни коим образом вести жизнь «богатой бездельницы». Наоборот, я должна была помогать слугам в их работе и тем самым овладевать всеми видами работы по дому, которые выполняли они. Это вовсе не означало, что мои родители полагали, будто дочь их будет поденщицей или станет кухаркой. Вовсе нет. Их понятие о христианской жизни включало в себя понятие о достоинстве труда. Любого труда. И любого трудового человека. Сюда входили все профессии, доступные для женщин. По их понятиям, замужество, религиозная жизнь или безбрачие ради семьи или ради карьеры – все во благо и все должно быть улучшено практическим знанием работы по дому

и всяких рукоделий, соответствующих силам и возможностям женщины. Я думаю, перед их глазами всегда была жизнь Марии, «Той, Которая родила Спасителя», Владычицы Небесной, Которая готовила пищу и ткала, мыла и чистила, хотя познала Священное Писание и мудра была мудростью Бога и человека. Как и другие родители в России, мои мать и отец хотели оставить своей дочери в наследство самые разные знания. Во-первых, это знание Бога; затем, в соответствии с положением в обществе, академическое образование или нечто подобное, искусства, в которые включали музыку и рукоделие, особенно вышивание. Затем искусство устройства дома и ведение домашнего хозяйства толково, рачительно, но щедро и в духе Христа и возлюбленной Его Матери. Итак, жизнь моя была полной: учеба в школе, познание тысяч вещей за ее пределами, причем не из книг, а из опыта, добытого собственными руками. Порядок был заведен простой. Во-первых, я должна была содержать в чистоте свою комнату и свои вещи. Затем я «замещала» каждую из работниц по дому, у которой был выходной, кроме повара. И постепенно я готовилась к тому, чтобы суметь заменить даже его. Я научилась отстирывать тонкие столовые скатерти, хорошо крахмалить их и проглаживать не спеша, чтобы не осталось ни морщинки, складывать их ровно, аккуратно да красиво. Научилась накрывать стол сверкающим, как стекло или серебро, отмытым и натертым до немыслимого блеска. Сначала все это делалось для семьи, потом для гостей, человек так для десяти, а потом и для вечера на двадцать пять гостей и, наконец, для торжества человек на пятьдесят или больше, которое праздновали в доме раз или два в год.

В поте лица своего, не обращая внимания на боль и усталость, узнала я, как содержать кухонную утварь в чистоте, ножи – острыми, полы и столы –

отскобленными так, что сосновая их белизна могла поспорить со снежной.

Пришло время, когда я стала испытывать истинное наслаждение от вида чистых и ровно нарезанных овощей, ожидающих в холодной водице своей очереди на печь. Я старалась добавить ярких красок и солнца серому утру. Приготовление овощей для большого обеда стало для меня чем-то вроде игры. Их было много, и все надо было нарезать затейливо, чтобы морковка и репка превратились в розы и другие чудесные цветы в моих теперь уже мастерских руках. То же и с маслом. Я наслаждалась, придавая ему тысячи затейливых форм.

Тяжело давались уроки штопки и шитья. Казалось, дырки в чулках и носках полны вредности и изворотливости. Они никак не хотели превращаться в аккуратные, почти незаметные квадратики штопки, каких добивалась от меня мама.

Пятна на льняных полотенцах, простынях, салфетках и скатертях были сущей моей епитимьей. И все же как-то мне удалось овладеть искусством поддерживать вещи в порядке. Дошло даже до того, что я полюбила эту вечную борьбу между мною и разрушительной силой времени.

Подавать на стол всегда было очень интересно. Но на то, чтобы запомнить, с какой стороны подавать, какой нож подавать к тому, а какую ложку к этому блюду, ушло много времени. Но я достигла точности и сноровки.

Забота о маленьком братце, когда выходной у няни, была еще одной радостью: это был мир пеленок, ванночек, детских кашек и молочных бутылочек, которые должны быть согреты всегда вовремя.

Да, замена подавальщицы, посудницы, няньки, гувернантки, швеи и прачки по их выходным дням, была моим образованием, которое я бы не променяла

ни на что на свете. Я обучилась всем видам работы по дому, выполняя их собственными руками.

Такое образование сослужило мне хорошую службу, когда я вступила в этот новый мир без гроша за душой. И более того, оно дало мне средства и силы жить, уверенность в себе и уважение. И то, и другое нужно мне было, как воздух. И, кроме того, оно дало мне глубокое и прочное понимание достоинства любого труда и всех тружеников.

Это давало мне понимание, что и вправду в христианском доме, в христианской семье, в христианском государстве все взаимосвязано.

Дом? Домом было и наше большое поместье – ферма, где мы проводили весну, лето и раннюю осень. Я любила его старый приземистый дом, сеновал и мастерскую, его подвалы и кладовые, его старые амбары, сады и огороды. В этой обстановке у меня были другие заботы. Мать моя была чудесной лекаршей. Дважды в неделю отправлялась она в деревню обихаживать больных и убогих. Я была ее помощницей. Если бы я получила по грошу за каждую версту, которую мне пришлось пройти, неся тяжелый мешок с лекарствами для первой медицинской помощи, за полы, окна и двери, что я отскребла, за постели, заправленные для больных, я бы имела большое состояние.

В раннем детстве истина, что Христос в ближних моих, была втолкована мне словами и примером родителей.

Никого никогда не прогоняли от наших дверей – ни нищего или бродягу, ни уличную женщину или вора. Мужчин принимал отец. Он мыл их. Женщин обихаживала мама. Потом им давали одежду, если они нуждались в ней. Им служили мама, отец и мы, дети, если примерно вели себя всю неделю и тем заработали право услужить в убогих Христу – на лучших наших скатертях и фарфоре в главной обеденной зале.

Вот так мы, дети усваивали дорогой урок возлюбить ближнего, как самого себя, и доказать, служа ему, нашу любовь к Господу.

Но учеба, работа, помощь в услужение убогим – еще не вся наша жизнь. В ней было так много веселья, радости, что порой слезы наворачиваются, когда я вижу неспособность свою передать даже самую малость этой радости сегодняшним юным. А как бы я этого хотела! Это принесло бы столько счастья, мира в их жизнь, в жизнь их родителей, в их общество и, кто знает, быть может, и в наш мир!

Наше счастье, радости, забавы шли изнутри. Они исходили от чувства безопасности, любви и заботы, которыми так щедро наделяли нас родители. Исходили они также от чувства Порядка. Я специально пишу это слово через заглавное «П», потому что оно происходит от великого и умиротворяющего Порядка, данного Самим Богом.

Когда жизнь человека или семьи основана на этом великом умиротворении Божьего порядка, когда цели жизни устремлены к Христу, а вера – основа этой жизни, тогда радость, искренний смех и настоящее веселье пышно расцветают в жизни человека или семьи. Тогда дети растут в атмосфере любви и нежности. Там, где есть любовь, там есть Бог.

Радости наши были просты. Ох, как мы мучились, сочиняя пьесы и разыгрывая их, – мы и дети наших соседей! А уж какова была гордость от сознания, что нашим родителям и друзьям взаправду понравились и сценарий, и исполнение.

А приходилось ли вам участвовать в поисках сокровищ длинными и сумеречными северными вечерами? Такая игра в тысячу раз интереснее всех этих современных «Монополий» и «Канаст». Ключи к поиску скрыты повсюду, и поиски сокровищ заводили нас в места, каких больше уж не встретишь, которые не забыть. И, конечно, у вас есть шанс на секунду-

другую повстречать Того, от встречи с Которым ваше сердце забьется чаще. Но, увы, нас так много, что в одиночестве надолго не останешься!

А танцевали ли вы под звездами на молотильне, в большом открытом амбаре под звуки старых скрипок? Играли ли вы в шарады? Нет? Мне жаль вас, вы пропустили слишком много.

Наш дом был не просто местом работы – он был местом, где самым естественным образом обитали мир, веселье и любовь.

И, наверное, это происходило оттого, что очень многие люди постоянно приветствовали друг друга и так часто в нашем доме раздавалось: «С миром, люди Божие! – С миром принимаем».

*Мать Христова,
Хозяйка дома святого Иосифа,
Сердце всех сердец,
Покровительница всех жен и матерей,
Исполни меня благодати
Воздвигнуть дом мой
Там, где я есть.
Аминь.*

Глава третья: МЫ ПЕЧЕМ ХЛЕБ

Была пятница, а пятница – это всегда особый день в нашем доме и в домах соседей, так как это был день, когда пекут хлебы. Большая кухня была в безукоризненном порядке. Стол для хлеба и рабочий стол выскоблены до сияющей белизны, а большой стол, за которым ела прислуга, был накрыт скатертью с чудесными яркими цветами, вышитыми крестом.

Большая печь жарко натоплена дровами, и кошка с котятами свернулась поближе к ней, насколько могла подобраться. Перед большой иконой мерцал огонь лампы, и мерцание его, казалось, отражалось сотней сверкающих медных сковородок, которые ровными рядами висели на выбеленных стенах, давая такой поток света, что долго-то и не посмотришь – слишком ярко.

По стенам тянулись полки, заполненные чудесно выполненными кувшинами и горшками. Местные умельцы делали их из особой глины, украшали самобытными узорами и обжигали в старинных печах. На них столетиями сохранялись особые растительные краски.

Я любила кувшины и за их красоту, и за содержимое, которое всегда удивляло меня. В них хранилось неисчерпаемое количество всяких чудесных вещей: сладко пахнущих трав, странных корешков, печенья, сахарных леденцов и чернослива, бесчисленное множество всяких сушеных овощей – короче, мир секретов, способный покориť любое детское сердце.

Я не могла долго наслаждаться видом этих горшочков, так как постоянно нужна была моя помощь. Кухарка и мама выносили большие, тяжелые, хлебные кадки. Их мыли лишь дважды в год. Обычно же их

протирали чистой тряпочкой и плотно заворачивали в другую, пока они снова не понадобятся. В каждой всегда оставляли плотный кусок теста с кулак размером. Мне казалось, что это деталь кадки. Но это была только закваска.

Открывали лари с мукой. Ржаная мука так чудесно пахнет! Пшеничная мука грубого помола с местных мельниц – какой настоящий, питательный из нее хлеб! Белая мука для воскресных и праздничных хлебов! Вот они все разложены по большим ларям, в каждом свой сорт. Это основа жизни, она давала силы человеку работать от зари до зари. Как они были вкусны!

Когда согрелась вода, наступает время молитвы. На коленях, на чисто выскобленном сосновом полу мы молимся сперва Господу Нашему Христу: «О Господи, Иисус Христос, Хлеб Ангельский, Хлеб Суший жизни вечной, благослови хлеб сей, как благословил Ты пять хлебов в пустыне, дабы те, кто вкушает их с благоговением, могли обрести через них здоровье телесное и духовное. Ибо Ты живешь и царствуешь во веки веков. Аминь».

Затем молимся Матери Его благословенной, ибо Она хранительница дома. Свят дом, где пекут хлеб. Поэтому естественно об этом говорить с Ней. Благословение Сына Ее на приготовление хлеба непременно, но нужно и Ее благословение, чтобы соединились мука и вода, соль и сахар, чтобы хлеб получился на славу!

Крестным знаменем благословляли хлебные кадки, а затем осеняли себя крестным знаменем сами пекари. Все готово, чтобы замесить тесто.

Медленно, с благоговением муку и воду смешивали в жидкое тесто. Кадки устанавливали на изразцовые края печи, затем прикрывали сначала чистым полотном, затем старыми чистыми одеялами.

Еще одно крестное знамение необходимо для того, чтобы хорошо поднялся хлеб, и женщины на цыпочках покидают кухню.

Мы с кошкой остаемся, свернувшись у теплой печи, в полумраке уютной сияющей кухни. Бывало, обе и заснем там: кошка во второй раз, а я в первый. Спустя два часа мама и кухарки возвращаются, чтобы добавить остальную муку, сахар, масло и яйца, в зависимости от теста.

Деревянной лопаткой, медленно еще раз все перемешивают. Затем начинают месить тесто руками, опуская их в тесто по локоть, пока оно не начинает отставать от рук. Теперь замес готов к тому, чтобы «спать».

Ржаной хлеб подходит долго. Утром он будет готов для следующей операции.

А я никак не могу дождаться этого завтра. Каждую неделю, как зачарованная, наблюдала я этот процесс. В каком-то смысле выпечка хлеба была моим «домом». Всякий раз, когда готовили хлеб, я чувствовала себя уютно. Это было похоже на таинство, в котором участвовали Господь и крест Его и Благословенная Матерь Его.

И вот наступило завтра. Когда я сходила вниз, духовка для выпечки, которая на всех русских кухнях – тыльная часть каждой печи, полна была пышущих жаром углей, которые вскоре выгребали в топку. Чего только не видела я в этих пылающих угольях! Моих видений хватило бы на множество волшебных книг. Раскаленные угли надо мной имеют силу. Они разжигают мое воображение.

Мама и кухарка уже всю трудились над тестом: его снова взбивали, вывалив на длинный сосновый стол, чтобы он еще подошел. Русские редко выпекают хлеб на жестяных листах. Они просто кладут большие куски теста на лист и дают им расправиться в круглые

аппетитные буханки. Затем их аккуратно поддевают плоской деревянной лопаткой и выкладывают аккуратно рядами в под.

И что за божественный запах исходил из этой печи! Я и сейчас помню его и чувствую все блаженство моего детства.

Несколько часов спустя круглые коричневые буханки помещали на белой простыне и на весь день закрывали одеялом.

Субботний вечер одаривал нас ужином из молока, творога и свежесдобитого хлеба с домашним маслом. Какой ресторан может сравниться!

А вот я расскажу, какую роль играет хлеб на свадьбе! В России молодых встречает отец невесты с буханкой хлеба на деревянном блюде, а мать преподносит соль. Это символы материального и духовного благополучия, которых им желают. Хлеб представляет достаток, соль – богатство души, «ибо вы – соль земли».

Хлеб играет великую роль в жизни русских! Для них он и в самом деле святое тело жизни.

Рацион солдата, например, включает два с половиной фунта хлеба. Это и есть паек.

Даже сейчас, находясь за тысячи верст от России, я часто удивляю друзей, идущих со мной по улице, и, конечно, прохожих: увидев кусок хлеба, лежащий на мостовой или на тротуаре, я подымаю его, целую и, крестясь, кладу на ближайший подоконник или перила, прочь от грязных башмаков.

Это – старый русский обычай.

Русские боготворят хлеб, потому что Сын Человеческий воплотил в него Свое Тело для нас.

Глава четвертая: МЫ УБИРАЕМ ДОМ

Воскресная газета полна рекламы о новейших приспособлениях и средствах, чтобы как проще и быстрее приводить дом в порядок. Через открытое окно я слышу, как, заглушая уличный шум, ссорятся две птички. Прорастают настурции, которые я высадила две недели назад в ящиках на подоконнике. Определенно весна пришла.

Газета лежит у моих ног нетронутой. Уличный шум и птичьи ссоры едва достигают моего сознания. Снова я ушла в свое прошлое, в ту совершенно особую неделю, когда мы убрали дом.

В то время для этой работы было мало приспособлений, а если бы они и были, навряд ли бы кто воспользовался этими усовершенствованиями. Ведь мы рассматривали уборку дома как священнодействие, осененное прошедшими веками, начиная ее с Богом, для Бога и с молитвой к Богу. Дом был символом Христа и Его Церкви, и его очищение становилось делом святым. Выполнить его надлежало согласно обычаям, и для этого нам не нужны были никакие инструкции.

Кроме того, это было занимательно. Большинство материалов для уборки мы делали сами. И приготовления к этой самой ответственной неделе начинались почти за год. Прежде всего, конечно, должен быть план: русская хозяйка считает, что во главе всего должен быть порядок, а он рождает мир.

Итак, с бумагой и карандашом в руке надлежало обойти каждую комнату, и работа, которая тут требовалась, записывалась и распределялась по подходящим дням. Стирка, окраска, скобление, мытье, натирка, проветривание – все имело свой черед, свое место. И подготовка к каждому виду работы была тоже особым делом.

Например, что касается занавесок. Каждый знает, что они выцветают за год. Поэтому их надо было покрасить. А это возвращало нас в лето, к сбору цветов и кореньев, из которых мы делали растительные красители. Какое это было удовольствие!

Встаем вместе с солнцем. Горячий, плотный завтрак. Все собираются с корзинками и с полотняными торбами, готовые отправиться в путь на весь день. Мама читает молитву святой Марте, святой покровительнице дома. И мы отправляемся в дорогу за несколько верст, в поля и леса, где растут эти драгоценные травы, которым мы посвятили день.

Я всегда предпочитала поля и сбор васильков. Мне нравилось брести по золотым пшеничным полям, где они росли. Необыкновенно голубые, они подмигивали мне. Оттуда, отсюда и отовсюду. Очень жаль было заталкивать их в полотняную сумку, что висела через плечо. Но все равно собирать цветы было весело!

А какой чудный голубой оттенок придавали они окрашенной ими ткани. Никогда с тех пор я не встречала именно такого оттенка. Почему-то он всегда наводил меня на мысль о ризе святой нашей Матери. Бьюсь об заклад, Она была именно этого чудесного, мягкого василькового цвета...

Чтобы получить голубую краску, мы клали васильки в огромные бутылки со спиртом и выдерживали их почти до следующей весны на самом солнечном подоконнике дома.

Другие цветы и корни мы растирали и варили, отфильтровывали из них краску в узкие темно-коричневые бутылки для применения следующей весной. В Публичной Библиотеке Нью-Йорка есть маленькая книжца о растительных красителях, и книжца эта наводила на меня тоску по дому.

А еще надо было чистить медь и бронзу. Вся кухонная утварь в дни моей юности была изготовлена из этих металлов. А это означало полировку и полировку! О, какой красивый, великолепный вид у кухни, на которой ни пятнышка, и на полках сияют бронза и медь!

Честное слово, никогда до приезда в Америку я не видела «BRASSO» или других чистящих средств, хотя перечистила тысячи горшков и сковородок. Мы пользовались хлебом, обычным ржаным хлебом. Собирая остатки, корочки, мы замачивали их в небольшом количестве воды, давая им закиснуть и забродить. Вот этой пастой мы и чистили медь и бронзу. И как получалось? Да еще как!

Для этих бесконечных стирок и чисток, которые так любит русская хозяйка, нужны горы мыла. Мыло мы делали сами, естественно. Для этого собирали жиры и варили их со щелоком. И опять же, для меня каждый шаг в искусстве приготовления мыла был интересен.

Конечно же, святая Марта присутствовала при этом. Для этого ее надо было призвать короткой молитвой. Плохо, если забудешь об этом. Мыло получится или слишком сухим, или слишком мягким, это уж как пить дать. Только тот, кто делал мыло, знает, какое это удовольствие – разрезать его на аккуратные, мягкие, большие брикеты и раскладывать на солнышке для просушки.

Полы натирали воском. Те, что из твердого дерева, конечно. У нас были свои ульи, а значит и свой воск для натирки полов, для изготовления свечей и лампад. Мама готовила свечи. Каждое дело сопровождалось своей собственной прекрасной молитвой.

Работа с воском начиналась, как и все остальное, крестным знаменем во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Полы из мягкого соснового дерева скребли, но не половыми щетками, а березовыми вениками, заготовленными с прошлого года и высушенными в амбаре. Некоторые листья еще оставались на них и, когда их распаривали в горячей воде, сладко пахли свежей зеленью. Из них получались чудесные половые щетки, которые отлично сочетались с домашним самодельным мылом и чистым желтым песком. Полы после них сверкали белизной...

Штопка и починка платья были, конечно, важной частью весенней уборки. Я любила комнату для шитья с двумя швейными машинками, с длинным портняжным столом, с большой иконой Пречистой Богоматери Казанской, перед которой горела особенно большая лампада. С потолочных балок ровными рядами свисали самопрядные нити, сделанные из нашего льна и выкрашенные нашими красителями, и длинные мотки пряжи от наших овец, тоже домашнего крашения.

Да, приготовления к весенней уборке начинались за год. А после того, как все было закончено, каждую комнату окропляли святой водой. Тогда мы все отправлялись в парную баню, мылись, как следует, и шли на исповедь и к причастию, возвращаясь к завтраку из чая с густыми сливками, свежее испеченными булочками и малиновым вареньем!

Газета все лежит у моих ног. Как разнообразны все эти моющие приспособления и средства, которые она предлагает! Как разнообразны и в то же время скучны: из-за них весь интерес, вся радость и удовлетворение от уборки дома ушли, чтобы никогда уже, наверное, не вернуться!

Глава пятая: ТРАВЫ, КОТОРЫЕ МЫ СОБИРАЛИ

Один отдел в современном универсальном магазине имеет для меня особое очарование. Это отдел «ТРАВЫ», обычно совсем крошечный и слишком украшенный уголок бакалейного отдела.

Я всегда посещаю его, хотя и знаю, что нахлынет поток воспоминаний и принесет такую ностальгическую боль о счастливых днях моего детства, что придется спешно покинуть его, ничего не видя от слез. Но все же мой поход в магазин всегда оканчивается в этом ароматном уголке супермаркета.

Обычно я здесь – одинокий посетитель, блуждающий среди красивых кувшинов, пакетиков-саше и разноцветных банок с кулинарными травами. Да, похоже, и любовь к травам, и знание их тайн принадлежат уже забытым страницам истории.

Правда, теперь в Америке эти знания потихоньку возрождаются. То тут, то там можно увидеть статьи о лечебных травах, травах для приправ, для сохранения свежести белья, для придания аромата элегантному платью. Но как мало во всем этом жизни! Куда проще и дешевле отправиться в аптеку и купить этот химический аромат или неизвестное пахучее вещество, сделанное из каменноугольной смолы, чем разыскивать природные ароматы.

Но сколько удовольствий лишились мы, поменяв их на эту простоту!

Когда живешь в восьмидесяти верстах от железной дороги, как мы когда-то, а случись эпидемия – ни доктора, ни фельдшера поблизости, тогда травы становятся необходимы для жизни людей. А те, кто знал травы и мог с их помощью лечить болезни, сохранять мясо свежим, делать еду вкуснее и вообще

добавить жизни ароматов, были очень почитаемы и любимы близкими. Слава о них шла далеко.

Моя мама принадлежала к числу таких людей. С раннего детства любила она выхаживать больных. Неудивительно, что это пришло к ней само собой, ведь ее отец и дед были врачами. Она рассказывала мне, как зачитывалась книгами *Materia Medika*, что заполняли полки в доме. В этих старых книгах очень много говорилось о травах.

Она вспоминала большую комнату – лабораторию дедушки, где он часто готовил свои собственные снадобья из трав, купленных у травников – людей которые проводили свою жизнь в лесах, собирая для врачей целебные травы. В те дни многие дипломированные доктора варили собственные лекарства.

Ее отец, еще более сведущий в медицине, чем его предки, сохранил здоровое уважение ко всем этим старым и проверенным народным средствам и часто ими пользовался.

Но мама, может быть, узнала даже больше от крестьян, среди которых провела юность. Больше всего она любила стариков и старух. Она могла часами сидеть и слушать их лечебные премудрости, собирая рецепты. От них она познала нечто большее, чем медицина. Она узнала секреты приправ для приготовления хлеба, супа, мяса и салатов, научилась придавать особый вкус напиткам, делать свежими и ароматными белье и одежду.

Мало-помалу мама научилась выхаживать больных. Постепенно росла ее слава, и пришел ее черед передавать другим накопленные знания.

Как только я подросла настолько, чтобы ходить в достаточно дальние походы, которые она регулярно совершала в соседние деревни, задействовали и меня. Я стала маленькой маминой помощницей.

Она давала мне нести ранец, полный лекарств и бинтов, и иногда позволяла помогать в лечении. Но в основном моя работа состояла в уборке дома больного, приготовления легкой и питательной пищи для него, заботе о детях и тому подобное.

Мне нравилось это. Но настоящими праздниками в моей жизни были дни сбора трав. Это были особые дни. Они охватывали все времена года, кроме зимы. Я могла бы написать отдельную книгу о красоте и радости долгих прогулок, которые сулили эти дни.

Трижды в неделю мы отправлялись на сбор трав. Как и все остальное в старой России, событие это начиналось молитвой. И так, прежде чем отправиться ранним утром, в тот магический час, пока еще не высохла роса – травы собирали только в соответствии с фазами луны и временем суток, – мама, я и все, кто составлял нам компанию, преклоняли колени и читали молитву, которая осталась со мной на все эти годы:

«Боже Всемогущий, вечно сущий, словом Твоим единым создал Ты землю и небеса и все сущее, видимое и невидимое глазу, и украсил землю знаками и деревьями на потребу людям и тварям Божьим. И назначил Ты каждому растению приносить плоды свои, чтоб не только пищею для тварей живых служили они, но и для врачевания тела болящего.

Душой и телом просим мы истово несказанной милости Твоей. Благослови эти травы во всем разнообразии и добавь к природной силе благодать нового Твоего Благословения. Да отвратят они всякие болезни и напасти от людей и от твари живых, кто употребит их во имя Твое. Через Господа нашего Иисуса Христа, Сына Твоего, Который живет и царствует с Тобою воедино с Духом Святым. Аминь.

Богородица ... Мать Божья... Пребудь с нами... Благослови искания наши... Благослови и сохрани нас... Аминь».

Молитва окончена, еда наша уложена в холщовые торбы, другая торба повешена накрест поверх первой на груди и на спине, и мы отправляемся.

По извилистой проселочной дороге идем мы в луга, через ручейки и небесно-голубые быстрые речушки, то входя под сень деревьев, то выходя на опушку, то целую версту проходя меж душистых сосен, а то версту или две среди березок, которые точно девушки-танцовщицы в белых с зеленым нарядах, ждут только сигнала балетмейстера, чтобы закружиться в березовой фарандоле.

И всюду травы. Каждый сорт надо собрать отдельно и связать в пучок. Корешки надо складывать в полотняные мешочки. Листья скалывали большой деревянной иглой в венки. Все приносили на условленный заранее лужок или на другое место. Все наши вылазки и поиски исходили от этой центральной «базы», как лучи от солнца.

Названия трав звучали для меня как благодатная молитва, к которой вновь и вновь возвращалось мое сознание. Бог создал эту траву, дабы напитать и излечить. Мы собираем траву для этой же цели. Конечно же, благословение Божье снизойдет и на нас. Часто я вглядывалась в голубое небо, почти веря, что вот-вот благословение падет на меня, как ласковый дождь на руно. Слушайте же молитву трав.

БОРЕЦ. Наименование растения, из которого можно приготовить сильные снадобья. Лучше всего корни. Они могут успокоить больное сердце или убить его, если воспользоваться неосторожно.

ТАВОЛГА. Из ее листьев приготавливается отличное вяжущее средство для лечения больного горла, а также желтый краситель для льна и шерсти ярко-золотистого отлива.

ДУДНИК. Из его корней готовят чай, останавливающий кашель, или припарки при болезни

легких или груди. Засахаренные стебли и кочерыжки его – чудесное лакомство. А все растение можно использовать как приправу к рыбе.

ПОДМАРЕННИК НАСТОЯЩИЙ. Из корней его получается ярко-красный краситель. Его стебли и листья сворачивают молоко для приготовления сыра. Цветы его придают желтый цвет маслу и помогают при кожных заболеваниях и эпилепсии.

ЧЕРТОПОЛОХ. Помогает при лихорадке, тонизирующее средство.

РОМАШКА. Отвар этих цветов, если полоскать им голову, придаст волосам золотистый оттенок. Приготовленные как чай, цветы ромашки отгоняют насекомых и действуют как успокаивающее средство.

Словно слова веселой детской песенки, эти названия возвращаются из глубины памяти. И я снова представляю себе, что осматриваю берега ручьев, взбираюсь на опасные скалы, а то просто сижу на лужке с пучками сорванной травы.

Ветерок. Птичья песенка. Шорох листвы. Беспредельные радость и мир! Вот что такое был сбор трав!

Аа-ууу!.. Громко отдается эхом среди деревьев призыв на обед. Подхватив весь свой небольшой урожай, я бегу к назначенному месту. А вода уже весело кипит в громадном закопченном чайнике. Мама заваривает чай в маленьком заварничке. Черный хлеб. На нем толстый слой свежего масла. Домашний сыр. И чай. А вокруг нас незабываемый, пьянящий аромат собранных трав.

Чуть вздремнули и снова ходим, высматриваем, наклоняемся, собираем, пока не подходит время возвращаться домой. На дороге нас дожидается лошадка с телегой, иногда с толпой деревенских детишек. Домой мы возвращаемся не спеша, распевая все известные нам народные песни.

Наутро травы сносили в большую рабочую комнату, и там мы с мамой начинали их сортировать. Сюда корни. Туда листья. А туда стебли. И ни в коем случае нельзя спутать растения. Проверить и перепроверить. Надписать. Все связать в пучки и повесить к стропилам. Эти листья разложить на солнце сушиться, а эти листья и корешки сохранить свежими для лекарств, красителей или приправ.

Запахи этой комнаты! Смогу ли я их забыть? Мне казалось, что все ароматы природы заключены здесь. Там не было ничего чуждого, ничего ложного. Все было подлинным, чистым – все прямо из Божьих рук. На каждой листке, на каждом стебле, на каждом корешке лежало Божье благословение.

Тот, кто захочет узнать больше о травах, невольно больше узнает о Боге.

Наверное, Рай должен быть наполнен такими же ароматами. Я знала это!

И я всегда добивалась, чтобы наш огород кулинарных трав, который занимал почти гектар, благоухал лучше, чем цветник. С ароматами майорана, полыни, эстрагона, розмарина, чабреца, шалфея, базилика, сладкого укропа-фенхеля, летнего садового чабера, огуречника и другими чудесными ароматами могло ли быть иначе?

Глава шестая: ДЕЛО РУК НАШИХ

В воздухе разлито тепло и солнце. Пришла весна, и все говорят о том, что придут стригали – крестьяне, которые стригут овец. Они ходят от хутора к хутору и состригают тяжелые мохнатые зимние шубы с овец, прежде чем их погонят на дальние летние пастбища.

Весна для меня – одно из самых волнующих времен года, потому что начинались заботы, события шли одно за другим. Кухня кипела, как улей: стригали ели даже побольше молотильщиков, и надо было наготовить горы хлеба, сыра и масла.

Забивали корову и готовили гуляш. Он был главным блюдом за каждой трапезой. Из бочек доставали соленую свинину. Ее промывали и обдавали кипятком, и она была готова заполнить пустое место в желудках, если оно оставалось после гуляша. Пирог из дрожжевого теста, хорошо раскатанного и начиненного мясом, луком, капустой или грибами, пекли и укладывали впрок.

Кухарки и служанки метались то в погреб, то в амбар, то в кладовку и снова на кухню, только цветастые юбки порхали, а расшитые фартуки нагружены так, что чуть не лопались.

Ну а я? Я была в самой гуще событий.

Я пробиралась в большую овчарню. Здесь зимой держали овец, а в это время года их каждую ночь сгоняли с ближних пастбищ. Долгими часами я любовалась тяжелыми шубами овец и поражалась, как, расставшись с ними, они не умирают. Меня удивляло, как эта спутанная, грязная шерсть становится пушистой, мягкой белой массой, которую мы скоро будем прясть.

Наконец приходили стригали. Издалека они давали знать о своем приближении забористыми песнями. Все было готово для них. Сеновал становился местом их ночлега, кухня – столовой и гостиной, большая колонка во дворе – ванной.

На утро прибытия они, а с ними и вся семья, шли к обедне. Это важнейшее событие крестьянской жизни должно было начинаться молитвой. А что же лучше обедни?

После обедни священник шел с нами благословить овец в овчарне и работников, благословить шерсть, чтобы хорошо прялась, ткалась и хорошо шла на продажу; благословить работников, чтобы дело у них шло споро, без какого-нибудь несчастья для них самих или для скота.

Но вот молитва совершена, завтрак окончен, начинается работа.

Под навес с высокой крышей, на его прочный пол из векового дуба овчары приносят овец и держат их крепко, пока над ними трудится стригаль. В мгновение ока блеющее животное расстается с шубой и отправляется обратно в овчарню.

И так весь день, с точностью часового механизма. А тем временем другие работники отвозят руно на тележках под другой навес. Там наготове стоят большие дубовые корыта, наполненные водой. Воду постоянно меняют. Здесь шерсть отмывается снова и снова, пока не станет белоснежной. Тогда ее развешивают для просушки на странное сооружение – нечто вроде громадной сети, сплетенной из узких полос кожи, растянутой на шестах, стоящих примерно в четырех футах один от другого и высотой примерно четыре-пять футов.

Изготовление этой «сети» – само по себе искусство. Кожи выделывали, сушили и нарезали на узкие ремни долгими зимними месяцами. Затем

размягчали лядом и натирали до полного блеска. Рано по весне их сплетали и прикрепляли к большим рамам, а уж эти рамы крепили на шестах.

Так и будет оставаться шерсть под большой крышей, выстроенной над сетью, пока она не станет мягкой и не просохнет совершенно.

По ночам стригали жгли большие костры и пели старинные русские песни или рассказывали вековые предания. Там я и выучила много песен и сказок. Очарование этих вечеров не смогли стереть и годы.

Затем, так же внезапно, как и пришли, стригали уходили. Вместе с отголосками их песен уходила самая чудесная часть весны.

Овец из овчарен отправляли на зимние пастбища, а просохшую шерсть переносили в чесальную.

Мало кому сегодня знакома радость работы с белой, чисто пахнущей шерстью оттого, что на твоих глазах она превращается в красивый мягкий кусок ткани! Как мало людей могут сказать, что хоть одна вещица из их одежды – дело их собственных рук, ума и фантазии! Сколько среди нас тех, кто знает радость и удовлетворение от творческого достижения, когда мы превращаем сырую шерсть в костюм, платье или монашескую рясу?

Вычесывание может быть удовольствием, как это и было в моем русском прошлом. Оно совершалось на вечеринке. Собирались женщины и девушки со всей деревни, каждая со своим чесальным гребнем. Большая чесальная зала, с широкими отполированными скамьями вдоль стен, наполнялась смехом и песнями, пока руки сноровисто расчесывали спутанную белую шерсть.

Вскоре целые горы тонкой, чистой, готовой к прядению шерсти собирались на вымытом полу. Рассказывали длинные сказки. Обсуждали последние деревенские новости. Все работали и говорили.

Обычно как с молитвы все начиналось, так молитвой же и заканчивалось.

После вычесывания шерсти устраивались танцы под звездами, а столы во дворе заставлены лакомствами и чудесным крепким чаем. Парни терпеливо дожидались выхода девушек. Вот скрипач заиграл веселую мелодию – и молодые ноги легко пустились отплясывать хитрые коленца народных танцев.

Уже перед рассветом разбредется по домам молодежь, отмерив еще один шаг превращения серой спутанной шерсти в красоту.

Прядение. Песня прялки перед уютной старинной кухонной плитой – кто слышал ее сегодня? То тише, то громче... Кружится, жужжит прялка... Нитка потолще, нитка потоньше... Толстая нить – для толстых теплых носков. Легкая, мягкая – для детских вещей. Прочная тонкая нить – для ткани.

Осеннее прядение. Листья падают и шуршат по оконному стеклу. С каким странным, жалобным шепотом падают они! Жужжит, жужжит прялка... Жалобные завывания холодных зимних ветров. Едва слышна песнь легко падающего снега, который, словно белым руном, любовно и бережно укрывает поля и сады, сохраняя тепло и жизнь озимым, корешкам будущей зеленой травы, молодым саженцам и старым деревьям, ягодам и фруктам будущего лета.

А затем ткачество. Я всегда буду помнить большую рабочую залу нашего приземистого дома, ее толстые потолочные балки, с которых свисают золотые косы лука, пучки сладко пахнущих трав и длинные ожерелья тонко нарезанных и засушенных яблок и груш.

Это была большая комната. И только три прялки занимали в ней почти все пространство. Там была прялка для шерсти, на которой пряли шерстяную ткань; прялка для льна, для тонких льняных нитей на

простыни, полотенца, наволочки и куски тканей; половичная прялка, на которой делали длинные и короткие лоскутные многоцветные половички, столь дорогие сердцу русской хозяйки, для которых она целый год сберегала каждый клочок ткани, прошедшей через ее руки.

С большим закройным столом, двумя швейными машинами и иконой Пречистой Божьей Матери, покровительницы домохозяек и домашней работы, перед которой всегда горела лампада, зала была полна мира и величественного спокойствия, каких я нигде более не чувствовала и не испытывала. Это была комната-труженица, комната, обращенная к Богу. Я бы сказала, пожалуй, что девиз этой комнаты был, несомненно: *Ora et Labora**.

Я так и не сумела полностью овладеть мастерством набивки ткани – как подбирать все пряди и нити, которые формируют основу ткани, чтобы сложился узор. Но я все еще надеюсь. Я все знаю про уток, поперечную нить, которая дает прочность ткани, потому что в детстве, когда мама или какая-нибудь другая опытная пряха набивала ткань, мне позволяли вплести поперечную нить большим деревянным челноком. Иногда мне позволяли впрясть небольшой кусочек ткани, а то побольше. День, когда мне позволили впрясть весь кусок ткани для моего собственного платья, был, да и сейчас остается, моим звездным днем.

Но прежде чем начать впрясть, надо было выполнить покраску. Это означало снова вернуться к травам, кореньям и цветам, которые мы насобирали. Это вело нас на чердак, где на аккуратных полках мама хранила свои растительные сокровища. В

* Молись и работай (лат.).

кувшинах, горшках и льняных мешочках собиралась коллекция, которой, я думаю, позавидовал бы сегодня любой коллекционер подобных вещей.

Она отбирала нужное, и мы отправлялись на летнюю кухню. О чистоте этой кухни можно было не очень заботиться, так как все равно ее пол и стены вечно были покрыты пятнами. Там можно было увидеть пятна самых невообразимых цветовых сочетаний – свидетельства приготовления консервов и варений.

Теперь долгие часы перетирать, молоть, смешивать и варить травы. А вы говорите «ведьмино варево»! Окутанные паром, в громадных передниках и цветастых платочках, мама, я и женщины, которые помогали нам, выглядели точно как компания ведьм, которые потеряли свои метлы.

Но что за чудо-варево получалось!

Хотела бы я показать моим утонченным современным друзьям те цвета, которые мы получали. Нигде я больше не встречала оттенков этой неповторимой голубизны – тонких, глубоких, сияющих. А красные тона! Они получались всех оттенков – от живого цвета крови до мягких, грустных цветов осенних кленовых листьев. Желтые цвета. То блестящие золотом, то напоминающие о весенних нарциссах. Черный цвет с отблеском. Темно-коричневые тона поглощали свет и отдавали его обратно, уже совсем другим. Там были лиловые цвета, наводившие на мысль о посте и епитимье; мягкие оттенки фиолетового, казалось, наполняли комнату скромными цветами фиалок, а сиреневый цвет – он чуть не пах сиренью!

Вот они все здесь, на чердаке. В бутылках и флаконах. Палитра цветов, которой позавидует художник. Они готовы подарить свою красоту мягким, белым, свитым вручную прядям шерсти, льна или хлопка.

Искусством льноткачества овладеть непросто: трудно натягивать основу из тысяч нитей. Чтобы овладеть сноровкой прясть уток, никогда не спутав одну с другой две тонкие нити, нужны годы.

Я всегда поражалась чуду превращения льняного стебля, с его милым голубеньким цветочком, в метры широких и узких льняных полотен, которые становились ценностью, передаваемой из поколения в поколение. Женщины украшали их вышивкой, кружевом, плетением. Я очарована этим искусством, но, увы, так и не смогла его постичь.

Я научилась многим способам вышивки и украшения изделий из льна. Мама научила меня. Она была большой почитательницей этого русского искусства. Мы всегда высматривали новые приемы и узоры у деревенских женщин, которых навещали. Помню, однажды мама была очарована, глядя, как молодая женщина на широком и чудно вытканном полотенце вышивает поле, полное цветов. Напрасно мама искала образец этой картины. Наконец спросила об этом женщину. Та улыбнулась и показала на окно, перед которым она работала. Образец был там: поле, полное летних цветов, качиваемых ветерком...

Да, может быть, у русских не было ни водопровода, ни тысяч хитроумных приспособлений для облегчения труда. Но у них было нечто более ценное – то, что, пожалуй, можно определить только словом «культура».

Хотела бы я сейчас иметь все мамины рецепты приготовления красителей из растений, корней и цветов. У меня кое-что есть, но слишком мало. Иначе бы я смогла расцветить наш серый, унылый, блеклый мир и принести многим людям познание и благословение ручной работы, чтобы творить красоту, которая несет смех и песни...

Соткать кусок ткани из домашней шерсти, сшить простыню из своего льна или смастерить половичок из

остатков, придать ткани цвет, который пришел прямо от Бога, украсить вышивкой или кружевом – это значит познать полностью слова псаломщика: «И да будет благоволение Господа Бога нашего на нас, и в деле рук наших споспешествуй нам, в деле рук наших споспешествуй».

Глава седьмая: И ЖИЗНИ ПОЛОТНА...

Недавно я видела в одном из шикарных журналов, ублажающих домохозяек из верхушки среднего класса, серию фотографий, направленных на то, чтобы показать, как повезло женщинам сегодняшнего дня: нам не пришлось жить в добрые старые времена, не знавшие электрических приспособлений.

Иллюстрации в статье показывали различия между днем вчерашним и днем настоящим. Они были прекрасно выполнены и способны дать чувство облегчения и удовлетворения любому, кто не знаком с жизнью прошлых лет. Автор статьи утверждает, что домохозяйки прошлых лет были совершенно лишены досуга.

Читая статью и рассматривая иллюстрации, мыслями я уносилась в свое русское прошлое, в домик, далекий от железных дорог, гастрономов и продовольственных торговых центров, от электрических приборов.

Выращивание овощей и сохранение продовольствия имели жизненно важное значение. И это трудная работа. Но, когда все эти задачи выполнялись, было и неизъяснимо глубокое чувство удовлетворения. И даже больше: происходило наше соединение с природой и Богом.

Как бы то ни было, думала я, именно эту жизнь Господь хотел дать нам. Она была доброй и честной пред Его Ликом. Она объединяла семью. Она учила каждого истово уповать на Господа. Она питала добродетель веры и благодарности к Творцу всего живого, а жизнь в молитве и уповании для семьи была естественной.

В нашем доме сезон сбора и заготовки организовано начинался ранней весной, обычно

сразу после Пасхи. Мама, кухарка и я начинали систематическую проверку прошлогодних запасов. Вооружившись карандашом и бумагой, я следовала за ними от чердака до подвала, от сырной и масляной кладовой к овощным погребам, к подвалам с корнеплодами, примечая и записывая кувшинчики того, мешочки сего, фунты этого и штуки прочего. И так часами. Наконец картина того, что у нас есть, а чего не хватает, становилась ясной, как Божий день.

Следующим шагом был поход в сельский магазин, а он там был единственный, чтобы запастись сахаром, крупной и мелкой солью, прочными иглами. Затем, снова домой – чистить, скрести большие медные тазы, в которых варились варенья и консервы, чистить дубовые бочки и круглые ушаты из белого соснового дерева. Когда кончали эту работу, все было готово, чтобы встретить весну, лето и осень и запастись всевозможные продукты, включая домашние вина и уксус.

Весна. На полянах радостное, желтое буйство одуванчиков! Первым поспевало вино из одуванчиков. Какое было удовольствие собирать головки ярко-желтых цветов! Целые мешки одуванчиков! Я помогала их очищать, а их надо было промывать раз сто, не меньше – так мне, по крайней мере, казалось, – чтобы вымыть из них весь песок. Затем их толкли и опускали в кипящую воду: на один объем одуванчиков – один объем воды.

Три дня они должны были вымачиваться, да чтобы кто-нибудь их почаще мешал. На четвертый день их отжимали досуха и выкидывали. Получившуюся жидкость кипятили с сахаром, с апельсиновыми или лимонными корочками (на четыре литра отвара один килограмм сахара). Кожуру одного апельсина и одного лимона, мякоть и того, и другого тонко нарезали и туда же, и ставили охлаждаться.

Затем большие куски хлеба обжаривали, посыпали дрожжами и опускали в отвар сбразивать на шесть дней, после чего вино разливали по бутылкам, запечатывали и наклеивали этикетки. Целые ряды запечатанного в бутылки солнечного света! И как наслаждались гости этим чудесным вином, столь же крепким, сколь и простым в приготовлении!

У нас был специальный винный погреб, где всегда была постоянная температура. Весь сезон мы готовили вина всех сортов: яблочное, свекловичное, из черной и красной смородины, из бузины, вишни, ежевики, сельдерея, моркови, ревня, сливы, ореха и вино из листьев винограда. Соседи соперничали друг с другом в качестве и крепости напитков.

Приготовлением безалкогольных напитков Североамериканский континент обогатил многих. Но я не смогла найти прохладительный напиток столь же освежающий, как русский квас, который мы готовили из ржаного хлеба, яблок и ягод.

Хотя готовить их нетрудно, вина в нашем доме не числились на первом счету. Главный упор в заготовках всегда делали на продукты. В основном это были ягоды, фрукты и овощи. Важное место занимало варенье, потому что на Руси его едят с чаем. А пьют русские чай чуть не целый день, – по крайней мере, пять раз в день: за завтраком, за обедом в полдень, в четыре часа, за ужином, а потом еще вечерний чай.

Приготовление чая в России – это традиция и искусство. В центре события – знаменитый самовар. Это чисто русское изобретение амфороподобной формы, стоящее на подставке. Внутри сосуда находится дымоход, который расширяется книзу и куда помещают горящий древесный уголь. Он разогревает воду в сосуде до кипения и поддерживает ее в этом состоянии долгое время.

Искусство изготовления самоваров в основном принадлежало великому городу Туле, и искусством это

было несомненным. У нас были латунные, медные, серебряные самовары и даже самовары, инкрустированные золотом. Но в основном самовары были латунные. За обедом кипящий самовар ставили на стол, поближе к хозяйке. Большой, весело раскрашенный фарфоровый заварник ставили сбоку. Затем хозяйка «согревала» заварник, наливая в него немного кипящей воды, а потом сливала ее на блюдце, которое полагалось в комплект к заварнику.

Хороший черный чай везли из Китая. Отмеряли тщательно: одну чайную ложку на четыре чашки заливали кипящей водой. Заварник ставили на самовар, на специально сделанную для этого конфорку. Три минуты и ни секундой больше – и чай заварен, можно разливать: дамам в чашки, мужчинам в стаканы. Никакими сливками или молоком тонкий аромат чая не портили, а тонкий ломтик лимона лишь усиливал вкус. Рядом с каждой чашкой или стаканом ставили блюдце из того же чайного сервиза – блюдце для варенья.

На столе целый выбор разных сортов варенья. Вы набираете себе то, что вам понравилось, в маленькое блюдце. Никакого сахара не нужно.

Итак, варенье было важной статьей любого хозяйства. Мы, при нашем хлебосольстве, готовили его около двухсот килограммов каждый год, и редко когда оно оставалось на следующий год. В варенье всегда клали столько же сахара, сколько шло ягод или фруктов. Разнообразие их бесконечно, и полное перечисление их, несомненно, составило бы небольшую книгу.

Здесь и нежные абрикосы, часто в смеси с имбирем, айвой и апельсинами, хотя айву готовили и отдельно, в виде чистого янтарного сиропа. А из апельсинов в тысячах вариантов готовили мармелады и джемы, которые сияли на солнце настоящей радугой золотых и желтых оттенков. Яблочное масло,

благоухающее специями, тоже занимало на столе почетное место. Малина и клубника были любимы всеми.

Конечно же, такие запасы варенья требовали километры полок для хранения. Но где та хозяйка, чье сердце не возрадуется при виде хорошо отполированных, аккуратно помеченных полок, заставленных чудесным, прозрачным, благоухающим вареньем? Наши сердца определенно ликовали.

Консервы, известные в Америке, были редки в русских домах. Но особые деликатесы, такие как сладкий горошек, спаргаус и помидоры, укладывали в обычные горшки и плотно запечатывали воском.

Остальные овощи сушили обычно на солнце, но часто и в печи. Это было проще, потому что гордостью каждого русского сельского дома была печь для выпечки хлеба. Печь после выемки хлеба долгое время сохраняет температуру, как раз подходящую для сушки.

Итак, каждый год особые овощные кладовые наполнялись сорокакилограммовыми мешками со свежесушенными фасолью и горохом. В больших жестяных банках хранились нарезанные кубиками и засушенные морковь и пастернак, сельдерей и шпинат – все это использовали для различных супов, столь излюбленных в России, и для овощных гарниров. В той же кладовой хранились аккуратно размеченные горшочки со всевозможными огородными травами, какие только можно было вырастить в местных условиях, так как русские очень любили приправлять ими выпечку.

Большие связки лука, чеснока и кукурузных початков украшали кухню, чердак и рабочие комнаты, свисая с потолочных балок и стропил, как громадные ожерелья. Особо почетные места занимали яблоки и груши, нарезанные ровными круглыми дольками и прошитые толстой иглой с самодельной суровой

льняной ниткой и медленно просушенные на солнце в летние дни. Один угол чердака был полностью отдан им, где они и пребывали в своей исключительности, дабы никакие другие запахи не испортили их аромата.

Некоторые ягоды и цветы тоже сушили – главным образом дикую малину, землянику и цветы ромашки, так как их использовали в медицинских целях. Если у вас когда-либо приключится простуда с ознобом, лихорадкой, заварите настой или чай: столовую ложку любой из этих ягод на чашку кипящей воды. Дайте настояться десять минут, а потом выпейте и убедитесь, как вместе с обильным потом выйдет из вас вся простуда. И к тому же это вкусно!

Конечно же, кроме кладовых для варенья, консервов, сухих фруктов, трав и овощей, при каждом сельском доме был погреб для корнеплодов, устроенный так, что морковь, пастернак, репа, свекла, тыквы и кабачки были всю зиму свежие. Квашеную капусту, которую готовили в громадных количествах, держали в специальных бочках на дворе, так как она не боится морозов.

В надлежащих местах хранились сыры домашнего приготовления. Их готовили несколько раз в год, так что созревшие головки сыра всегда были под рукой. Масло, конечно, взбивали еженедельно – коровы-то у нас доились круглый год.

Для картофеля были свои картофельные погреба, потому что его было очень много – слишком много, чтобы разместить по другим погребам.

Зерно: ячмень, овес, просо (которое, увы, в США и Канаде идет только на корм для домашней птицы да канарейкам) и гречка – хранилось в мучном амбаре. Сбор, порушка зерна и хранение крупы было мужской работой. Русские едят гречку в основном в виде каши. Овсянка иногда идет на приготовление хлеба, а ячмень добавляют в супы, чтобы они были гуще и питательней. Замечательно бы и вам как-нибудь

попробовать просяную или гречневую кашу – право же неплохо поесть на завтрак или на ужин такой чудесной на вкус каши! Просто возьмите чашку крупы, залейте кипящей водой на пару сантиметров выше, посолите по вкусу, поставьте в печь и оставьте томиться минут на двадцать-тридцать. Подавайте с пылу, с жару, с маслом и со сливками или молоком. Несомненно, вы приобретете новое чудесное блюдо для своего стола.

Всякий раз, вспоминая, как ранней зимой мама зовет меня на завершающий обход наших складских владений, я думаю об уроке из Книги Притчей: «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов... Добывает шерсть и лен и с охотой работает своими руками... Не боится стужи для семьи своей... Дайте ей от плода рук ее, и да прославят ее у ворот дела ее!»

Быть может, шикарный журнал, который я прочла, прав во многом, но он и упустил многое, о чем не напишешь и не расскажешь и даже не увидишь на фотографии.

Глава восьмая: НА БОГОМОЛЬЕ

Все громко смеялись. Не злорадно, заметьте, но забористо и от души, и я не обращала внимания. Хотя, по правде сказать, была я смущена, так как смеялись надо мной. Но, насколько я знала, ничего смешного я не сделала, и ничего необычного на мне не было.

Это же было богомолье, паломничество, не так ли? Мы все должны были собраться по указанному адресу в условленный день, чтобы отправиться к гробнице Мучеников Иезуитов в Ориесвиле, штат Нью-Йорк. По крайней мере, я так поняла несколько недель назад, когда мы с моей группой обсуждали этот план.

Ну вот, я и здесь, в кованых походных ботинках, с рюкзаком и драгоценной флягой с водой. Что же в этом смешного? Все смеялись весело, дружелюбно, но весьма громко. Наконец одна добрая душа воскликнула:

«Катя, неужели ты полагала, что мы правда пойдём в Ориесвилль?! Это же за сотни верст. Мы поедём на автобусе, чудачка...».

Ну и ну! Теперь, признаюсь, настал мой черед удивленно открыть глаза и наконец рассмеяться. Паломничество на автобусе! Ездить к святым местам на автобусе! Никогда об этом не слыхала. А я в своей жизни много раз ходила к святым местам пешком.

Паломничество сродни молитве: это покаяние, благодарение или прославление. Как это все можно осуществить в короткой автобусной поездке – я этого понять не могла. Но я в Америке, а не в России. Если ты в Риме, делай то же, что и римляне. Я смиренно забралась в автобус. Когда мы ехали по прекрасным сельским местам, я опять переносилась душой в мягкое, окрашенное пастельными тонами лето русского севера.

Скоро, за четыре недели до праздника святых Петра и Павла, наступит время поста и покаяния – Малый Пост. И, скорее всего, мама начнет сначала подумывать и поговаривать, а потом начнет готовиться к паломничеству к какому-либо святому месту. Она любила ходить на богомолье, особенно к какой-нибудь святыне нашей Матери Небесной, коими богата Русь.

Сначала, конечно, молимся и читаем о святыне, к которой собираемся идти. Так, дайте-ка припомнить. Из куска чистого, небеленого льняного полотна домашнего изготовления выкраиваем одеяние пилигримов. Простое дело для женщин. Нечто вроде кимоно: отверстие для головы, рукава, выкроенные по принципу кимоно. Потом с молитвою сшиваем это аккуратно при помощи чистой льняной нити. Теперь льняная опояска, вручную свитая, и холщовая торба, аккуратно сшитая и по размеру как раз достаточная для свежее испеченного ржаного каравая и изрядной щепоти крупной соли в чистой льняной тряпице. Почистить и просушить флягу для воды... Вот все и готово.

Утром, когда началось паломничество, погода стояла ясная и солнечная. Во всяком случае, у нас всегда было так. Обедня и причастие в маленькой сельской церквушке. Легкий завтрак. Никто не ест много перед богомольем. Теперь одеваемся в аккуратные, чистые одежды, приготовленные заранее. Холщовое рубище. Холщовая опояска. Простое, скромное и легко надеваемое одеяние.

И идти в нем легко. Идем босыми. Хлеб и вода – ну вот, мы готовы. Семья провожает нас до околицы. Здесь собираются прочие богомольцы, все в таких же одеждах. Все босы. Среди них могут быть, да и бывают, княгини или князья, крестьяне и нищие. Но никто их не сможет различить. Мужчины одеты в холщовые брюки и в чистые холщовые рубахи.

Старший несет святую воду. Вот все преклоняют колени и испрашивают Божьего благословения на поход к святым местам, призывая Ангела Рафаила, святого Иосифа и Божью Матерь быть с нами и хранить нас в этом паломничестве. Ведь им все ведомо, что касается похода, не так ли? Рафаил был поводырем Тобиаса, а прочие пешком ходили в Египет.

Теперь старший окропляет всех святой водой, и мы отправляемся в путь. Родня, друзья и зеваки провожают нас, выкрикивая последние пожелания для наших молитв и прошений.

Мы вытягиваемся в длинную прямую линию. Деревня остается позади. Мы начинаем молитвенные песнопения и будем повторять их постоянно во время всего пути. В промежутке между песнопениями царит глубокая тишина: каждый говорит с Богом на свой лад.

Дорога гладка под нашими босыми ногами. Сладко пахнут цветы. Облачка белы и веселы в голубом небе. Леса, через которые мы проходим, прохладны и нежны, ветерок обдувает наши опаленные солнцем лица. Временами кажется, что весь Божий мир вторит нашему пению:

«Радуйся, Мария, Матерь Божья, Матерь непорочная, утренняя звезда, сосуд совершенный,

Радуйся, Мария, Матерь Божья, храм святой, в коем Сам Бог был зачат,

Радуйся, Мария, Матерь Божья, голубица чистая и непорочная.

Радуйся, Мария, Матерь Божья, свет вечносияющий: Та, от Кого исходит Солнце Праведности.

Радуйся, Мария, Матерь Божья, что заключала в благом чреве Своем Его, Которого не объять.

Радуйся, Мария, Матерь Божья. Вместе с пастырями поем мы хвалу Господу, с ангелами поем песнь благодарственную: слава в вышних Богу и на земле мир, и в человеках благоволение.

Радуйся, Мария, Матерь Божья, через Тебя пришел к нам Спаситель, прославленный Победитель адских сил.

Радуйся, Мария, Матерь Божья, в Тебе воссияло чудо Воскресения.

Радуйся, Мария, Матерь Божья, Ты спасла каждого верного христианина.

Радуйся, Мария, Матерь Божья, кто может восславить Тебя достойно, о благословенная Дева Мария?

Слава Тебе, Матерь Божья!»

Да, я убеждена, что земля пела с нами... А может быть, она слушала нас.

Наступает полдень. Старший объявляет привал – обычно у чистой речки или ручья. Мы наполняем водой фляги, омываем уставшие, горячие ноги, лица и руки. Молимся и садимся подкрепиться ржаным хлебом с солью и водой. И как казалось вкусно! С тех пор ничего вкуснее я не едала. Затем часок отдыха. Подремали – снова молитва. Наши отдохнувшие головы вновь окропляет святая вода... И мы снова отправляемся в путь.

Медленно идем мы, распевая литании. Медленно течет день. Мы вслушиваемся в тишину. Вот уж и смеркается. Мы снова близ деревни. Так было запланировано. Мы встречаем людей, возвращающихся с полей после трудового дня. Все нас радостно приветствуют и просят помолиться за них.

Вот и деревня. Ряды наши смешались, и, получив последние наставления старшего: утром всем быть готовым пораньше и собраться на дороге, – мы разбредаемся по избам. И каждый путник стучит в дверь, повторяя извечные слова:

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Мы паломники, идем на богомолье к святым местам... Примите переночевать и отужинать... Христа ради».

И неизменно отворялась дверь, и нас гостеприимно просили пройти в дом.

«Во имя Пресвятой Троицы входите, странники. Окажите честь нашему бедному дому и разделите с нами то, что Господь в Его благодати великой пожелал ниспослать нам сегодня».

Мы входим, трижды низко кланяясь перед святыми образами и распятием, которые украшали каждый русский дом... По поклону каждому из членов Пресвятой Троицы. Затем четвертый и последний поклон хозяевам дома.

Теперь мы можем помыться и поесть. Что бы ни было на столе, всем делятся с нами поровну. Все, что могли нам дать в одной бедной семье, – хлеб, соль и чай. Каравай был поровну аккуратно поделен между семью членами семьи, моей мамой и мной. Мы окунали хлеб в соль и пили чай, понимая, что нам оказана великая честь. Мы видели милосердие в его полном проявлении – поистине Христово милосердие, когда бедняки кормят странников-богомольцев, ведь и Он был странником когда-то.

Ночью мы спали на сладко пахнущем сеновале. Вставали с солнышком, умывались у колодца. Наскоро выпивали стакан холодного молока, заедая куском хлеба. Прощались благодарно с добрыми хозяевами, принимая просьбы принести что-либо освященное от святых мест, обещая не забыть их. Ну вот, мы снова в пути.

Дни чередуются, как бусинки четок: медленно, степенно. В странствии близ Бога и земли, Им сотворенной, в молитве, прошении. То странствие, то отдых и вновь молитва. Молимся за грехи наши, за весь свет, за тех, кого любим. Просто молимся, славим, благодарим Господа.

И наступает день, когда мы подходим к святыне. О, великая радость! Мы так долго шли! Казалось, что так

будет, когда мы умрем и отдадим души Господу в конце долгого, утомительного странствия по жизни. А пока мы стоим на холме, видя лишь издали шпили святой обители. Да будет благословен Господь и Святая Матерь Божья!

Проходят дни в святой обители. Живем в больших монастырских приютах, выстроенных для таких, как мы. Монахи прислуживают нам молча и приветливо. Навещаем святыню и окрестные церкви. Запасаем на обратный путь освященный елей, святую воду, образа, медальоны для тех, кому обещали принести их.

Обедни, заутрени и хвалебные часы перед обедней, вечерни и повечерия в больших, красивых святых церквях. Молитвы и песнопения с монахами и монахинями близлежащих монастырей и обителей. Несколько Литургий за один день – о великолепии, о радость! Как в раю или, по крайней мере, как у Райских Врат.

А затем отправляемся назад точно так же, как и пришли сюда. Те же гостеприимные хозяева – теперь старые друзья. Обмен подарками. Разговоры о Боге и о делах Его.

И, наконец, дома. Опаленные солнцем. Здоровые. Похудевшие. С душой, исполненной святости.

Да, прошлое – это мой великий дар....

Автобус качнуло. Кто-то рассмеялся. Кто-то передал мне сэндвич и термос с горячим кофе. В задней части автобуса кто-то запел глупую детскую песенку.

Ноги отяжелели в подкованных ботинках... Тяжел рюкзак на коленях. Не знаю почему – или знаю? – сердцу моему тяжело от непонятной грусти.

Наверное, просто тоска по Родине.

Глава девятая: РОЖДЕСТВО В СТАРОЙ РОССИИ

Магазины и торговые центры чикагской Стейт-Стрит сверкали рядами огней и украшений. Густая и плотная толпа, казалось, просто кружила на месте, довольно смакуя признаки первого послевоенного Рождества.

Над шумом и грохотом уличного движения возносились традиционные песни и рождественские гимны.

Почувствовав себя утомленной и от магазинов, и от толпы, я нашла столик в тихом ресторанчике и пила освежающий чай. И тут снова, как это уже не раз случилось, внезапно я погрузилась в свое прошлое.

Рождество в старой России – это было и начало, и конец.

Это был конец ожидания и начало нового года, ведь литургический цикл был основой нашей жизни. Начало ожиданий прихода Господа нашего... Начало приготовлений.

Моя мама говорила, что дни Рождественского Поста – это дни, когда строится золотая лестница, и эта лестница приведет нас к звезде – звезде Вифлеемской, которая затем приведет нас прямо к Младенцу Христу!

Для моего детского восприятия эта лестница была реальностью. Я могла видеть и ощущать, как она росла ступень за ступенью изо дня в день. Первыми ступенями была чистота. Мы начинали чистку изнутри.

В начале Рождественского Поста надо было очистить душу от всех прошлых грехов и заблуждений, раскаяться в них, омыть их слезами, облегчить сердце покаянием.

Опять, как и в Великий Пост, мясо, молоко и все продукты, приготовленные из молока, яиц и сахара, исчезали с нашего стола, а их место занимали рыба, овощи и мед. Снова Церковь становилась центром каждого дня нашей жизни, а день отмерялся церковными службами.

Однако была существенная разница. В Великий Пост русские женщины надевали темные одежды, снимали с себя украшения и не позволяли звучать в доме музыке в течение сорока печальных, суровых дней Страстей Господних. В Рождественский же Пост все обстояло по-другому.

Наоборот, шли разговоры об обновлениях, хлопотали о покупке материй и шитье нарядов веселых расцветок. Вокруг звучала музыка: шла репетиция гимнов и песнопений, которые предстояло пропеть в Святую Ночь. Даже сам пост ждали с радостным нетерпением.

Обедни, причастия, исповеди и вечерние службы в церкви шли одна за другой, день за днем. Чистили и убрали весь дом и при этом напевали отрывки из древних мелодий.

Первыми должны быть вычищены иконы, которые начинали сиять, оживая под мерцающими огоньками лампад – красными, зелеными и голубыми. В моих детских глазах эти огоньки были предвестниками чудесных свечей, зажженных на рождественской елке.

Из кухни доносились удивительные пряные ароматы, которые благоухали только в это время года: существовало множество печений и выпечек, которые готовили только к Рождеству.

Например, имбирные пряники. Пряников таких форм и такого вкуса я никогда и нигде больше не пробовала. Некоторые были выпечены в форме агнца – ведь Христос был Агнцем Господним, не так ли? Другие были в виде больших звезд в честь Звезды Вифлеемской и в честь Марии, Божьей Матери, Звезды

всех стран и морей. Мой любимый пряник выпекался в виде спеленатого дитя.

Затем, конечно, рождественский пирог. Не спрашивайте меня, что в него входило. Я не вспомню. Так много всего! Но больше всего распяляло ожидание, когда же его разрежут и дадут кусочек, в котором были маленькие свертки бумаги.

На каждом листочке писали какую-нибудь добродетель, которую следует практиковать в течение года тому, кому достанется листочек: каждый ведь должен был приготовить подарок Младенцу Христу, а все знают, что добродетели – это любимые Его дары.

Но как ни интересны и ни заманчивы рождественские лакомства, главным среди них был пирог святого Николая Угодника в пунцовых, зеленых и белых украшениях. Это был громадный имбирный пирог. Иногда он и впрямь был размером с дитя.

Каждый, конечно, знает святого Николая. Ведь это он был послан Самим Младенцем Христом, Его любящей Матерью и добрым приемным отцом снисходить на землю каждый год в Рождество до скончания века и рассказывать детям сказки про Святую Ночь, нести им дары Пресвятой Троицы – Веру, Надежду, Любовь и прочие подарки, какие они пожелают в детской своей простоте и будут просить их у Святого Младенца?

Только пирог святого Николая выпекался в каждом доме, ведь для того, чтобы получить его кусочек, надо было вести себя хорошо, трудно зарабатывая его весь год. Да-с, судари мои, каким трудом! Надо было стараться быть лучшим ребенком в семье, самым достойным, чтобы заслужить кусочек пирога святого Николая.

Сквозь все эти недели приготовлений, как дирижер, ведущий свой оркестр, папа вел и объединял всю нашу семью, включая слуг, вокруг

рождественского венка, медленно, с благоговением читал соответствующие дню страницы из Евангелия и Послания, сплетая вместе былое и сегодняшний день, начало и конец, Старый Завет и Новый в одну цепь размышлений и молитв, которые будут держать нас вместе до конца наших бранных жизней.

В первую неделю Поста в рождественском венке зажигали одну свечу. По прошествии недели добавлялась еще одна, потом еще, пока не запылают все четыре свечи.

А затем Сочельник! Начинаясь он в церкви, продолжался строгим постом, которой длился до первой звезды! Взрослые за закрытыми дверями украшали рождественскую елку, готовили подарки. Дети ждали с все нарастающим возбуждением, перешептываясь по углам.

Наконец последний постный ужин – и начинаются последние невыносимые часы ожидания. Восемь часов, и вот слышен звон колокольчика святого Николая!

Мы устремляемся в комнату наших мечтаний, двери которой медленно раскрываются, но от волнения мы, как будто зачарованные, прирастаем к полу, едва способные пошевелиться.

А двери продолжают медленно открываться. Мы приближаемся медленно, на цыпочках, а там мама и папа. Каждый держится за свою половинку двери, раскрывая ее, пока, наконец, перед нашими широко раскрытыми глазами не появляется рождественская ель, великолепно сверкающая мишурой и множеством разноцветных восковых свечей. Ствол ее укутан белым искусственным снегом, который так сверкает! А вокруг нее – пакетики, и в каждом – ребячья мечта. О, незабываемое состояние, незабываемое мгновение.

И тут не было суеты. Мама и папа стояли по сторонам, приглашая войти детей и слуг. Каждый входил смиренно и стоял безмолвно, ожидая, пока

папа прочтет из Евангелия стихи о Рождестве Христовом. Папа читал с благоговением. Аллилуйя! Аллилуйя! И тогда естественным образом весь дом взрывался песнью всех христиан: Слава в Вышних Богу и на земле мир, и в человеках благоволение. Когда заканчивалось пение, мама раздавала подарки, как делают матери во всем свете, где празднуют Рождество, принося яркую радость детским сердцам. Ведь разве Рождество – это не праздник Христа Младенца, праздник каждого ребенка? И не становится ли Слово плотью в каждом ребенке всегда?

Теперь наступал черед детей дарить сделанные своими руками подарки: маме, папе, друг другу и слугам. И теперь уже торжественный порядок превращался в радостный беспорядок.

Наконец, переполнившись возбуждением, все глаза устремлялись на стол, полный яств: орехи, конфеты, рождественское печенье, имбирные пряники, ароматные булочки и все дары, которые можно преподнести Младенцу, и, наконец, большой святой Николай.

Стейт-Стрит сверкала огнями и украшениями... Густая и плотная толпа... Радостные гимны возносятся над шумом толпы и грохотом уличного движения... Россия – мой вчерашний день... Чикаго – день сегодняшний... Столь разные и столь похожие!

Ибо Младенец родился нам, Аллилуйя, Аллилуйя! И Слово стало Плотью и обитало с нами. Аллилуйя!

Какая была радость расставлять всех животных и царей вокруг Младенца в пеленах – Младенца, Которого будут баюкать и укачивать маленькие любящие ручки весь грядущий год. Аллилуйя! Аллилуйя!

Старые и молодые, живые и ушедшие – все соединялись в Господе нашем Иисусе Христе в светлый день Рождества на старой Руси... Круг святых становился реальностью жизни. Аллилуйя! Аллилуйя!

Глава десятая: ПАСХА В СТАРОЙ РОССИИ

Закончилась вечерняя служба. Люди расходились. Церковь снова погрузилась в темноту, лишь огонь алтаря и лампы перед иконами расцвечивали полумрак.

Я стояла на коленях у ограждения алтаря, читая последние молитвы, вдыхая густой аромат ладана, и мне показалось, будто стены церкви растворились – и я вновь оказалась на земле моих предков. И была Пасха.

Пасха в Старой России – праздник праздников! Праздник в этой стране более почитаемый, чем Рождество на Западе.

Для русского, который в лучшем случае раза четыре в год приходит на исповедь и причастие. Великий Пост, приготовление к Пасхе были священным делом. Это было время скорби, очищения и покаяния, как свидетельствует наша литература, а в вопросах духовности никто не может сравниться с русскими.

Вот почему в суровые, мрачные и трагичные дни Великого Поста русских занимало только духовное и мистическое, и ничто иное. Течение жизни замедлялось, становилось приглушенным. Все украшения и наряды убирались прочь.

В первую и четвертую недели, а также в Страстную Неделю прекращались все публичные увеселения. Закрывались двери театров и кинотеатров. Даже деловые вопросы уступали дорогу духовным нуждам и потребностям, так как церковные службы во время Великого Поста были многочисленны и продолжительны. В учреждениях, в домах и на фабриках люди спешно изменяли расписание с тем, чтобы дать возможность своим работникам посещать церковь во время рабочего дня.

Пост был строгим: никакого мяса в течение всех сорока дней не позволялось. Рыбу ели по воскресеньям и иногда в будни, кроме среды, пятницы и субботы.

Протекал медленно и скорбно русский Великий Пост: в воздержании, молитвах и в покаянии. Приближалась Страстная Неделя. По всей России сгущалось напряжение. Работа почти замирала. Все мысли были с Господом, с Его Страстями и Его Распятием.

Наряду с этими духовными упражнениями, каждую свободную минуту использовали для подготовки к великому дню Воскресения. Не удовлетворясь чисткой, проделанной в неделю приготовлений к Святому Причастию, вся Россия лихорадочно мыла, скребла и чистила – ведь все должно сиять к радостному дню всех дней – Пасхе.

На кухне тоже все кипело. Угощения на Пасху готовились особые, и готовились заранее. Кулич – особый, роскошный хлеб. Чтобы его замесить и выпечь, требовалось уйма труда. Хотела бы я встретить иностранца, который смог бы перечислить все компоненты кулича! И неважно, насколько богата семья, неважно, сколько она могла нанять слуг, всей семье находилось дело. Мать руководила приготовлением, отец помогал месить тесто, сестры чистили миндаль, братья перебирали изюм. Все радостные, возбужденные, сияющие.

А Пасха – интересно, что же это такое? Творог, сахар, масло, яйца – все взбивалось и как следует перемешивалось силами всех членов семьи, пока не получалась однородная белоснежная вкусная масса. Затем ее помещали в специальную форму и под пресс. Оттуда вынимали ее несколько дней спустя – плотная, пятнадцать или восемнадцать сантиметров высотой, на каждой из четырех сторон рельефный крест и

перевитые крестом буквы IX (от греческих слов Иисус Христос).

Затем (о, радость!) красили яйца. Все дети, даже малыши, принимали участие. Желтые, зеленые, красные, золотые, серебряные, они были первыми проблесками цвета в серой степенности Великого Поста, предвестниками радости и весны – Пасхи и Воскресения Господня, Аллилуйя!

И во все это время возни с приготовлением угощений пост не нарушался ни разу. Как ни кажется это невероятным, но это правда. Я должна признать: райский запах пекущегося кулича трудно вынести простому смертному, но такова была сила веры и обычаев, что никогда я не слышала, чтобы кто-то поддался искушению.

Великий Четверг. Воспоминания о давно минувшем. Вечером вся семья, как один, отправлялась в церковь. Каждый нес тонкую восковую свечу. Ее зажигали во время долгой трехчасовой службы двенадцати Евангелий. Когда читали историю жизни Христа. Затем каждый возвращался домой, прикрывая свечу от ветра ладонью, – ведь ее следовало донести до дома и зажечь лампаду перед иконой Пресвятой Матери.

Многие русские художники обращались к этой теме – возвращение домой в Великий Четверг. Темные улицы, тени, бредущие от церкви, зажженные свечи, прикрытые ладонями, отблеск света на лицах, старых и молодых. Прекрасная картина, достойная самого большого таланта, но и непростая – трудно передать выражения этих лиц.

Да и как передать отражения Лица Божьего, мелькнувшего в лицах этих людей?

Страстная Пятница. Бог умирает. Казалось, вся Россия умирает тоже. Учреждения зарывались полностью. На улицах никакой суеты, толкучки.

Скорбная тишина над всей страной. Правительственные здания украшены лиловым и черным – цветами траура.

Только церкви полны народу. А в центре каждой церкви, символизируя смерть Спасителя, – гроб, украшенный цветами, принесенными верующими. Шли и шли чинные, нескончаемые процессии. Каждый, приблизившись к усыпальнице, становился на колени и целовал крест на каждой ее стороне. Княгини, горничные, рабочие и блестящие офицеры объединялись в этой величайшей из демократий – демократии христианства.

Наконец Великая Суббота. Это тоже был день поста, который кончался только в полночь, и этот час в старой России считался часом Воскресения. Но пост не мог подавить дух великого ожидания чуда, не мог смести отсвет счастья с лиц. С десяти часов вечера и до полуночи толпы людей, теперь уже разодетых в праздничные разноцветные одежды, так любимые русскими крестьянами, или же в лучшие свои пышные наряды, направлялись к церкви.

И вот Всенощная. Она начиналась хвалебным антифоном великого дня. Громким, проникновенным голосом священник провозглашал: «Христос воскрес!»! Все прихожане отвечали: «Воистину воскрес!»!. Затем священник, обернувшись, целовал дьякона, который передавал этот поцелуй дальше.

В этот момент человек Запада был бы чрезвычайно озадачен, так как все в церкви оборачивались и целовали соседей своих, снова и снова обмениваясь радостным приветствием священника: Христос воскрес! Воистину воскрес!

И в этот момент широко и свободно начинали звонить все церковные колокола, как будто повторяли песню великой радости: «Да, Христос воскрес! Возрадуйся всяк, кто верует! Любовью смерть побеждена! Христос воскрес! Воистину воскрес!»

Прекрасным и незабываемым был звук четыредесятницы московских колоколов. Хвастливый историк сказал однажды, что их слышно за морями. Действительно слышно? Не знаю. Только знаю точно, что отдаются они эхом в пасхальные дни в каждом русском сердце, где бы оно ни было, принося счастье и радость даже изгнанникам.

Антифон – поочередное пение двух хоров и солиста.

Когда заканчивалась служба, оставалось еще одно важное дело: освятить пасху, кулич и пасхальные яйца, оставленные для особого благословения в ризнице. А потом все направлялись домой по ярко освещенным улицам. Ликующий город заполнен многоцветными, голодными толпами, распеваящими песни. Все целуются, поздравляют друг друга с Пасхой и торопятся домой, чтобы наконец-то попить до отвала.

А дома уже все готово. Дом чист и полон цветов, большой стол накрыт посреди столовой, с куличом в центре и с пасхами по бокам. А дальше на столе разноцветные пасхальные яйца, затем запеченные индейки, цыплята, ветчина, вина, фрукты и конфеты. Еды достаточно на три дня отдыха и пиршества!

А, кроме того, тут же и подарки, потому что в России Пасха – это время дарить подарки, даже в большей мере, нежели Рождество.

И, наконец, удовольствие, которое имели мои братья от созерцания старшей сестры в доме, вновь и вновь заливающейся румянцем, когда толпа молодых парней встает в очередь, чтобы похристосоваться. Как вы знаете, никто не смеет на Руси отказать в поцелуе в день Пасхи. Так что желаю вам оказаться юной, смелой и красивой россиянкой в эти святые дни. Пасха – это время молодости. Так что старшие много смеялись, немного поддразнивали, но не мешали действовать сообразно обычаю.

Но вот отец семейства разрезает кулич, символ Хлеба Насущного – Тела Христова, а затем по кусочку пасхи, которая символизирует Агнца, отданного на заклание. Так сливались воедино Ветхий и Новый Заветы. Теперь каждый берет яйцо, символ бесконечности, жизни вечной. Мать, низко кланяясь, передает тарелки с этим угощением домашним, гостям и слугам, потому что пиршественный стол собирал всех. Этой символической пищей, несущей в себе святое благословение, заканчивался пост.

Да, Пасха была праздником праздников, самым великим днем. Кто-то трогает меня за плечо и шепчет, что пора идти. Церковь закрывается на ночь. Я оглядываюсь. Кругом темно. Лампады погашены. И только свет алтаря бросает в темноту кровавый отблеск. Это церковный сторож торопит меня. Я поднимаюсь и иду домой, но уходит только половина меня.

Другая моя половина остается слушать четырехдесятницу московских колоколов, которые, я знаю теперь, и правда слышны за морями.

Глава одиннадцатая: МЫ МОЛИМСЯ

В течение нескольких последних лет опубликованы две книги отца Филипа Т. Веллера. Первый том – это мастерский перевод священных ритуалов из *ROMAN RITUAL*. Второй том посвящен многочисленным и разнообразным благословениям, которые дает Церковь.

Английский язык этих двух книг – просто поэзия, и кроме того, они могут быть полезны в бесконечных размышлениях о доброте и милосердии Господа, Который сопровождает человека всю его жизнь, благословляя и любя его и труды его.

Для меня эти два тома – источник большой радости. Они вновь оживляют мое прошлое в России и тот мир, который царил в нем по Божьей благодати.

Еще приносят они бесконечную печаль, боль и страдания в мои сегодняшние дни: я вижу, как много людей проводят жизнь в незнании той любви, которую Господь и Супруга Его, Святая Церковь, несут им.

Я оплакиваю пустоту, которая окружает их со всех сторон, а также помощь и благословение, которых они лишают себя в неведении своем! Какие глубокие и важные уроки могли бы принести им молитвы Святой Церкви, дабы облегчить им тяжкую ношу трагических дней, если бы только эти люди знали их!

Многие из молитв и благословений *RITUAL* знакомы мне, как например, «Отче наш» или «Богородице Дево, радуйся».

Почти в каждой главе своей книги я говорила о молитве. Время от времени я даже включала некоторые молитвы. Я думаю, было бы искренне и правильно сказать, что в моем прошлом жизнь русских текла в тени молитвы.

С восходом солнца и в нашем доме, и в миллионах домов по всей стране, когда люди пробуждались ото сна, их первый взгляд падал на иконы в восточном углу спальни, перед которыми вечно теплилась лампада, а их первым движением было крестное знамение.

Поднявшись, умывшись, заправив постели или проделав другие необходимые домашние дела, все, и богатые, и бедные, вставали перед теми же иконами и читали свои утренние молитвы. Это могло быть проделано уединенно или всей семьей. Медленно и с чувством произносились священные слова. Со многими поклонами и коленопреклонениями. Тогда и только тогда день начинался по-настоящему.

Просили благословения до и после еды! Молились перед той или другой работой! Я отлично помню, что ни мама, ни кухарка не поставят ни блюда на плиту, ни хлеба (или выпечку) в печь, не осенив их трижды крестным знамением.

В школах, в мастерских и на многих фабриках работа начиналась молитвой. Но, кроме молитв, был еще и пост, который являлся их органической составной частью. В славянском сознании пост и молитва неразделимы.

Среды, пятницы и субботы были постными днями для многих русских. Почти все мы постились в эти дни. Точно так же по всем основным праздникам соблюдались и бдения. Всего соблюдали четыре больших поста: четыре недели перед Рождеством, Великий предпасхальный Пост, две недели перед праздником святых Петра и Павла в июле и Успенский Пост.

Обычными были и молитвы перед любым состязаниями или развлечениями. Краткая молитва к святому Петру возносилась рыболовом по выходным дням. Другое моление могло исходить от юноши или девушки, чтобы их важное свидание или вечеринка

прошли удачно. Молитвы совершались перед путешествиями и после благополучного возвращения. Были молитвы перед родами и после них. Молились у смертного одра и на поминках.

Молились во время паломничества к святым местам, до и после экзаменов. Русские, я должна повторить, вели свою жизнь в молитвах и постах.

Что касается благословений, то теперь, оглядываясь назад, я думаю, что жизнь моя была наполнена ими. Они всегда вели меня и давали чувство безопасности.

Папа говаривал, что никогда настоящий христианин не должен ничего и никого бояться. Если он в состоянии Божьей благодати, разве он не храм Пресвятой Троицы? И разве не пребывает с ним Матерь Божья? Ибо там, где Троица, там и Пресвятая Божья Матерь. И естественно, с ними его святой покровитель и Ангел Хранитель. Христианин имеет право и обязанность в опасности или в нужде призвать на помощь все силы небесные, всю Церковь-Победительницу.

Итак, живя в таком достославном сообществе, чего мог христианин у бояться, кроме греха? Только грех имел трагическую власть отделить нас от Бога и от Божьих людей. Только грех мог принести настоящую смерть. Его надо было бояться великим страхом.

Но вернемся к благословениям. Во-первых, были родительские благословения, которые дети запоминали крепче всего. Нас благословляли в начале каждого учебного года. Нас благословляли, провожая в дорогу или поручая важную работу. Нас благословляли при помолвке, до и после бракосочетания. Нас благословляли в болезни и здравии. Так проходила наша юность под сильным и действенным родительским благословением.

Отсюда сильным было понимание о призвании брака и родительства, медленно и мощно вызревавшее в юных душах. Глубокими были привязанность, уважение и любовь ребенка к своим родителям. Да и как могло быть иначе, если их права, обязанности и обязательства совершенно явственно исходили от Самого Господа через таинство брака?

Русская литература ясно отражает эту идею. Она показывает также громадную силу и воздействие родительского проклятия. Имеется в виду не просто выкрикивание непристойных и греховных слов, а преднамеренное библейское проклятие своего отпрыска отцом или матерью. Это ужасно и страшно для русского человека.

Говорили, что голова человека, проклятого своими родителями, не будет знать покоя ни здесь, ни в грядущей жизни. Да как же иначе? Отвратительными и греховными должны быть деяния, навлекшие на чью бы то ни было голову такую беду.

Жизнь русских людей, кроме родительских благословений, была наполнена многочисленными благословениями Церкви.

Никто не стал бы жить в неосвященном доме. Священники благословляли вновь и вновь все вокруг: семена, урожай, сады, поля, оборудование и инструменты, машины и скот, шерсть, лен, прялки, иконы, распятия, пироги, хлеба, яйца, пиво, вина, рыбацкие лодки, цветы, мельницы, лекарства, перевязки для больных, горы, луга, зерно, пищевое и лампадное масло.

И люди получали благословения от Господа и от Святой Церкви через пастырей своих. Младенцы, невесты, матери новорожденных, больные, паломники, путешественники – каждый получал свое особое благословение.

А еще были заклинания против наводнений, крыс и мышей, червей, саранчи, пожара и прочих бедствий.

Освященные предметы тоже играли значительную роль в жизни русских людей. Каждый ребенок при крещении получал довольно большой латунный, серебряный или золотой крестик на цепочке, который носил всю свою жизнь.

И горе тому, кто потеряет свой крест!

Значение, которое придавалось этому кресту, хорошо видно из старинного обычая. Если двое людей менялись своими нательными крестами, они становились братьями или сестрами во Христе и поэтому были ближе друг другу, чем родные братья и сестры. Такие обмены часто происходили в военное время, когда один спасал другого из когтей смерти. Спасенный просил как о великой чести обменяться с ним крестами, полагая, что это все, что он может принести в благодарность за спасение – стать спасителем своему брату во Христе и провести остаток дней своих, любя его в Господе великой любовью, служа ему в Господе... во веки веков.

Иконы, медальоны и другие религиозные предметы глубоко почитались как за то, кто на них изображался, так и за благословение, которое они должны были принести. Этими святыми вещами пользовались с почтением и любовью.

Но святая вода – вода, освященная Богом и Церковью, – вот самое сильнодействующее средство! Мало кто из русских обходился без святой воды. Покажите мне русского, который не верит в ее силу против дьявола и всех сил тьмы, в болезни и здравии? Если и найдется такой русский, то это никакой не христианин.

Я помню, как мама моя чуть ли не умирала от холеры. Доктора от нее отступились, она лежала на постели, холодная и синеющая. Когда я вошла, отец

мой стоял на коленях у кровати в глубокой молитве. Я присоединилась к нему. Затем он поднялся и взял флакон со священным елеем олив Гефсиманских, который они с мамой привезли с собой из Святой земли. Он начал помазание, не прекращая молитвы.

Она поправилась. Скептики могут сказать, что она и так бы поправилась. Но я отвечаю смиренно, что власть Господня безгранична и Его благословение даже неодушевленных предметов наделяет их священной силой, особенно если ими пользуется глубоко и искренне верующий человек. Тогда они могут творить и творят чудеса.

Я благодарю Господа: мое детство и юность прошли в доме и отчасти в стране, где все еще была вера в князя тьмы и в ад. Ад и сатана для меня были реальны. У меня был великий страх перед тем и другим и решимость избежать их. Благодаря этому страху меня привели, мягко, но уверенно, к любви Господней. Одна из величайших трагедий наших дней – это то, что люди перестали верить в дьявола, а потому перестали бояться его, самого могучего духа и разума во вселенной после Господа Бога.

Да, в былые времена святая вода всюду сопровождала русского человека на его жизненном пути. Ею он окроплял себя, чтобы отойти ко сну, в болезни или злосудии, в радости, в грозу (когда зажигали две освященные свечи и окропляли святой водой дом) и в искушении. Всегда при нем была эта маленькая бутылочка со святой водой. Человек чувствовал себя в безопасности под ее благословенными каплями и крестным знаменем, которым сопровождалось окропление святой водой.

Благословениями всегда сопровождался крестный ход, и мне кажется, что мое русское прошлое состояло из бесконечного крестного хода и молебнов. В праздник святого Иоанна Крестителя совершался крестный ход, благословлялись реки и озера, и тогда

же освящались и костры, зажигаемые по вечерам. Крестный ход совершали во времена голода, войны, эпидемий или мора. Молились против бури или испрашивали дождя. Крестный ход проводился в день Успения Пресвятой Богородицы, когда освящались сады и плоды их, на Пасху и по всем важнейшим праздникам. В дни поминовения ходили на погост с зажженными свечами. Эти песнопения и молитвы до сих пор звучат в моей душе и наполняют ее радостью и счастьем.

Весьма привычным делом было посещение церкви. Многие часы проводили в церкви до и после службы, особенно по всем малым и большим постам. Посещение церкви было столь же естественно, как и дыхание. Ежедневно в больших полутемных церквях можно было видеть множество людей, которые молились... молились... молились... в отблесках и дрожащих тенях от тонких свеч, сотнями горевших перед украшенными драгоценными камнями иконами.

По воскресеньям все огромные церкви, маленькие церквушки и часовни заполнялись до отказа. Долги были исповеди и тяжелы епитимьи. Покаяния жаждали длинные очереди. То же повторялось и по праздникам.

Да... Россия молилась, каялась и постилась крепко. Сполна использовала она добро и красоту Церкви, которая всеми путями помогала земным детям своим обрести Царство Божьей Любви.

Так надо ли удивляться тому, что Божья Мать желает вернуть Россию в родную юдоль ее? Какие сокровища печали, боли, страданий, молитвы, покаяния, поста и любви принесет она миру!

И может быть, Россия однажды поведет за собой мир назад, к Господу, и, кажется, ждать уже недолго. Потому что она жила в Христе, в Матери Его, в святых и в Пресвятой Троице так много сотен лет!

Глава двенадцатая: БЕРУ ТЕБЯ В ЖЕНЫ

Дела сердечные, как говорят французы, совершались в России в основном по тем же обычаям, что и во всей Западной Европе, правда, с небольшим привкусом Востока.

Подобно другим европейским нациям, Россия оберегала своих дочерей, приставляя к ним девушек или гувернанток. Существовали также довольно строгие правила поведения, нарушение которых влекло за собой остракизм виновной.

Более того, будучи глубоко религиозными, люди преклонялись перед чистотой, невинностью, девственностью. Мужчины, выбиравшие себе жену, требовали от нее этих достоинств. Будучи реалистами, они понимали, что платонические отношения полов возможны только в сочинениях романистов. Более того, твердо веря в таинство зла и в дьявола и настороженно воспринимая все проявления греха, русские родители считали своим долгом помогать дочерям и оберегать их. Человеческая природа, испорченная первородным грехом, по их верованиям, должна оберегаться старшими, особенно в дни юности.

В русской глубинке, в маленьких деревушках, на хуторах, в небольших городках девушки никогда не дерзали ходить одни по деревенским дорогам или по тропинкам. Местом их встреч с подругами были либо родительский дом, либо деревенская лужайка, где в благоприятное время года устраивались вечеринки и танцы, а по воскресным дням позволялось гулять парами или устраивать пикники в тени деревьев.

Деревенская площадь располагалась обычно напротив церкви и видна была почти из всех близлежащих домов, которые стояли ровными, аккуратными рядами.

Девушка, дерзнувшая нарушить древний обычай, рисковала умереть старой девой, и, хотя юнцы и желали бы прогуляться с ней по запретным тропкам, тот факт, что она уступила этому желанию, переводил ее в малоприятную категорию «девицы, с которой можно гулять, не делая ей предложения».

В больших городах и столицах, и в верхних слоях общества правила, касающиеся молодых девиц, оставались также суровы и усиливались присмотром старших родственниц, родителей или наемных гувернанток.

Но любовь всегда находит свой путь. Ни ключ, ни замок, ни гувернантки, ни девушки не могли остановить ее. Итак, в окружении препятствий, неведомых более свободным и легким нравам Североамериканского континента, юность на Руси пускалась в ухаживания, в которых было больше приключений, романтики и интереса – так я, по крайней мере, полагаю.

Но, так или иначе, к каждому приходил тот день, когда он просил, а она отвечала трепетным «да»!

Это могло совершаться в кружении вальса, под недремлющими взорами старших или в то короткое мгновение, когда в народном танце она оказывалась в его руках. Кто знает? Но был вопрос – и был ответ.

Однако многое может случиться, пока чашку ко рту поднесешь, – говорит старая русская пословица. Часто так и случалось. Ведь мало было того, чтобы она сказала «да». Ее мать и отец должны были сказать то же. Это значит, что он должен был просить ее руки у родителей.

Тем не менее, в девяти случаях из десяти он слышал счастливое соизволение из уст ее родителей, что означало осуществление мечты. Конечно же, пока жених сватался, она была неподалеку. Может быть, за полуприкрытой дверью или за занавеской.

Итак, когда мать шла звать невесту, ей не приходилось идти далеко, потому что тут же она и появлялась – зарумянившаяся, с сияющими глазами и со счастливой, смущенной улыбкой. Мать понимала и тоже улыбалась снисходительно. Разве не так же было все и у нее в свое время?

На минутку их оставляли вдвоем, пока родители шли в спальню за семейной иконой Божьей Матери. Это один из тех немногих случаев, когда икону снимали со своего места.

Родители возвращались в гостиную. Счастливая пара вставала на колени у их ног. Отец, высоко подняв икону, благословлял их, совершая крестное знамение. Мать вторила его словам и тоже осеняла молодых крестным знамением.

Затем выпивали чарку за счастье молодых, и помолвка становилась наполовину официальной. Та же церемония совершалась спустя несколько дней в доме родителей жениха.

Однако помолвка становилась полностью официальной только после церковного благословения. Русские твердо верили: когда мужчина и женщина решили совершить великое и священное таинство венчания, время ожидания от помолвки до венчания должно быть посвящено Богу в торжественной церемонии, основанной Церковью.

В России церемония помолвки происходила в церкви перед алтарем. Благословляли обручальные и свадебные кольца и оба надевали на средний палец левой руки. После венчания свадебные кольца носили на правой руке. Затем Божественная Литургия и Причастие.

Так давалось торжественное обещание перед Ликом Господа. И нельзя было дать его с легкостью, чтобы затем с такой же легкостью пренебречь им.

Людские сердца и души – это не игрушки страстей и мимолетных увлечений.

Церемония имела также законную силу. Нет, она не обязывала партнеров жениться под страхом смертного греха. Но, тем не менее, она имела законную силу как для церковного, так и для гражданского суда, особенно в отношении наследства.

Возможно, из-за этого серьезного и святого отношения к помолвке и обручению мне потребовались буквально годы для того, чтобы понять взаимоотношения жениха и невесты в США и Канаде. Здесь все было совершенно противоположно тому, к чему я привыкла. Казалось, что здесь девушка, которая могла похвастаться наибольшим числом расстроенных помолвок, была наверху популярности у представителей противоположного пола и предметом общей зависти среди представительниц своего! Обещания здесь легче, чем дуновения ароматного ночного воздуха, а любовь, если тут вообще присутствует любовь, похожа на быстролетную тень, наваждение лунного света, исчезающее с восходом солнца.

Но, опять, быть может, я не понимаю чего-то. Может, я была да и осталась старомодна.

Помолвка – это всегда интересно. Это чудесно повсюду. В России девушка, конечно, виделась с женихом очень мало, никогда не оставаясь с ним наедине. Да, они могли время от времени пойти вместе на представление, в ресторан, в чайную или даже потанцевать в толпе друзей. Но невесте следовало быть осмотрительной и не сходить с дозволенного проторенного пути. Время от времени родные могли оставить молодых наедине на несколько минут в гостиной. Но такие моменты были нечасты.

Помолвки были непродолжительны. Считалось, что так лучше. Потому что, опять же, надо беречься от искушений греха. Всегда. А длительная помолвка

определенно вела к подобным искушениям. Да и вообще, есть ли смысл в долгих помолвках?

Конечно, мне могут возразить, что юная любящая пара должна подождать до того времени, пока будущий муж встанет на ноги, будет иметь достаточно денег, чтобы содержать молодую жену и растущую семью. Хотя похоже, что все это не играло такой роли в доброе старое время в России. Образ жизни там был более устоявшимся. Люди дольше оставались на одном и том же месте. Земля, работа на земле, жизнь на земле были привычным образом жизни большинства людей. Все это облегчало жизненный путь молодых. Вполне вероятно, что так или иначе они получили бы свой надел земли. При бескрайних диких лесах вокруг строительство своего дома из бревен не было проблемой. Родня девушки давала за ней приданное, как было тогда принято: предметы домашнего хозяйства, цыплят, корову, а может и двух. И не успеешь оглянуться – молодые люди уже сами вели свое крестьянское хозяйство, с довольно примитивной сельскохозяйственной техникой и по древним обычаям своих отцов. Народ в городах и из более обеспеченных слоев общества следовал примерно тем же обычаям: невеста приносила для совместной жизни постельное и столовое белье, одежду и зачастую деньги, а жених обеспечивал обстановку в доме и жилье – комнату, квартиру или дом, кому что давалось.

Считалось, что молодые должны строить свое будущее вместе, вместе принимая и радости и горести, и, поступая так, они лучше приспособятся к совместной жизни, чем если бы все уже было обеспечено до свадьбы.

В основном русские не очень заботились о земных благах – накоплениях, деньгах и тому подобном. Их более интересовало *быть*, а не *иметь*. Вся русская духовность, естественно, отражалась на браке и на приготовлениях к нему.

Сундук с приданным начинали заполнять с рождением девочки. Подрастая, она увеличивала содержимое сундука изделиями собственных рук. Дюмотканые и украшенные вышивкой полотна и другие предметы непреходящей красоты аккуратно укладывались в сундук, изукрашенный искусной резьбой. Да, такие сундуки с приданным были обычным делом. Шерстяные вещи специально обрабатывали против моли, и они всегда были готовы к использованию или для обновления фасона. Этот обычай тоже облегчал молодым начало самостоятельной жизни.

Итак, счастливый день венчания для обрученной пары наступал быстро. И это всегда был великий день. Венчание в церкви было обязательным по всей стране. Роскошные церемонии и наряды делали этот день действительно незабываемым и для молодой пары, и для их родных и друзей.

За венчанием обычно следовали Божественная Литургия и Причастие. Родительские и церковные благословения обильно уснащали священный день. Родители невесты покидали церковь, как только совершался обряд, и спешили домой, чтобы приветствовать новобрачных у порога. Отец держал каравай хлеба на богато украшенном деревянном блюде, покрытым затейливо вышитым полотенцем. Мать подносила соль в красивой солонке ручной работы.

Хлеб должен был служить молодым напоминанием о жизни плотской, которая держится хлебом насущным, а также быть великим символом жизни духовной. Соль же должна была напомнить молодым, что они плоть от плоти Христовой и потому они соль земли – соль, которая не должна терять свой вкус.

Поднеся молодым хлеб-соль, родители и жениха, и невесты вновь благословляли молодую пару семейными иконами, одну из которых им дарили для

новой семьи. Затем брачную опочивальню благословлял священник. «Благослови, о Господи, – говорил священник – сию брачную опочивальню, дабы те, кто делит ее, обретались в мире Твоем и полагались на волю Твою. А по прошествии лет пусть обретут они всю полноту жизни и войдут, наконец, в Царствие Небесное. Во имя Господа Нашего Иисуса Христа. Аминь».

Затем наступало время веселья и празднества. Танцы, застолья и увеселения продолжались три дня и три ночи. Обычно было принято, чтобы молодая пара участвовала в веселье, уединяясь в своей освященной опочивальне по ночам и присоединяясь к друзьям своим поутру.

Конечно, богатые и зажиточные слои общества переняли западный обычай праздновать медовый месяц. Но этот обычай не имел широкого распространения. Отношение к браку, взаимоотношению полов столь тесно переплеталось с мыслью о Боге и Церкви, что это легко доносило атмосферу красоты и святости происходящего до всякого, кто принимал участие в этом торжестве. Оно начинается с Богом – в нем и завершается! Вот что такое было русское бракосочетание. Удивительно ли, что в русском сознании в отношении к браку мало было места смущению, неловкости,.

С уважением относились на Руси к девственности, чистоте и невинности молодой незамужней женщины. С таким же уважением относились к беременной женщине: ведь в материнстве был главный смысл замужества. Это был плод любви и видимый знак величайшего Божьего благословения союза между мужчиной и женщиной.

Недавно одного из принцев Востока, посетившего Америку, спросили, какое впечатление произвели на него американские женщины. Он вежливо ответил, что

они и очаровательны, и красивы, но удивительно, почему среди них столь мало беременных.

Замечание было воспринято как что-то забавное. Но так ли уж это смешно?

Станным кажется мне, что по эту сторону Атлантики благословенные месяцы вынашивания ребенка принято скрывать при помощи искусно скроенных платьев. Как будто в вынашивании дитя есть что-то постыдное.

«О, дорогая, я бы никогда и не догадалась! У тебя совершенно ничего не заметно». Считается, что это лучший комплимент, который беременная женщина может получить от своих друзей! Но почему? Неужели материнство столь ужасно, что его надо скрывать? Неужели слово «беременность» никогда не следует употреблять в «приличном» обществе? Или же тело женщины, вынашивающей дитя, – видимый знак невидимой благодати – столь безобразно, что его следует скрывать?

В моей России и в большинстве других стран света женщины гордились своим будущим материнством перед всем светом. И этот «свет» их любил и уважал и сотнями разных способов выказывал свое уважение.

Беременная женщина, навестившая вас или просто прошедшая мимо, считалась у моих друзей добрым знаком. Может быть, вспоминали о том, как Пречистая наша Мать посетила Свою двоюродную сестру Елизавету.

Большие семьи были правилом, а не исключением. О противозачаточных средствах почти ничего не знали. И если прерывание беременности проводилось втайне, тот, кто этим занимался, отчетливо осознавал, что творит тягчайший грех. Во всяком случае, обходились без лицемерия.

Возможно, это благодаря восточному влиянию в результате продолжительного татаро-монгольского

нашествия русская женщина была удовлетворена положением царицы и многодетной матери в своей семье. У нее не было или почти не было амбиций блеснуть в политическом или деловом мире. Не рвалась она и к образу жизни, полному впечатлений и перемен. Ее дом был для нее целым миром. Не выразить всех понятий, скрытых в этом слове. Безопасность. Умиротворение. Счастье. Благодать Господнего мироздания

Во всяком случае, таким я помню мой дом.

Глава тринадцатая: УПОКОЙ, ГОСПОДИ...

В моем русском прошлом смерть воспринималась просто и естественно. Она не вызывала того страха, который окутывает ее или любое о ней напоминание в наши дни. Так как смерть неизбежна, у людей было время смириться с ней, привыкнуть к ней, так сказать. Они готовились к встрече с ней, и готовились встретить ее достойно.

Часто приходилось слышать из уст иностранцев, что русские – фаталисты и что влияние Востока, которое «сформировало русский характер», более всего проявилось именно в этом. Они полагали, что «кисмет», восточное слово, означающее «судьба» и включающее в свое значение невозможность бороться с судьбой и необходимость тупо следовать ее предначертаниям, было привычным словом русских во всем, что касалось смерти. Другими словами, мы просто говорили «кисмет» – и испускали дух!

Но подобно многим другим предвзятым мнениям, это говорит только о незнании иностранцами нашей жизни.

Истина была намного проще и привлекательнее, чем это скоропалительное и обобщенное суждение. Ее следовало бы искать в глубокой вере народа и в его понимании святейшей воли Господней.

В церквях Запада набожные люди имеют обыкновение читать такую довольно красивую молитву смирения: «Господь мой Бог, я приемлю хоть сейчас из рук Твоих с охотой и смирением, со всеми муками, горестями и страданиями любую смерть, которую Ты пожелаешь мне ниспослать».

Русские не произносили никаких особых молитв на эту тему – они просто жили в молитве день за днем и не забывали, что жизнь требует постоянной

ответственности и настроя ума, души и сердца, которые следует упражнять постоянно в радостном принятии святейшей воли Господней в течение всей жизни и быть готовым принять ее, когда приблизится смертный час.

Я помню, как однажды отец пришел в дом с улыбкой на лице и, вручая маме чудную ювелирную вещицу, сообщил ей, что это последний знак любви на долгое время, так как он полностью разорен, и, хотя нам предстоит круто изменить наш образ жизни, не следует слишком беспокоиться, потому что «Бог дал, Бог и взял... Да сбудется с нами святейшая воля Господня. ... Аллилуйя!»

Так и было. Мне всегда казалось, что у нас самая жизнерадостная разоренная семья из всех мне известных.

Нет, не восточный фатализм наполнял русские души. Скорее, это была глубокая любовь к Господу, понимание воли Его и простодушная покорность этой воле.

Много было тех, кто самозабвенно и ответственно готовился к смерти. Я помню многих святых странников, которые останавливались в нашем доме и обсуждали в простых и красивых словах приготовления к тому дню, когда за ними придет смерть и поведет их к Жизни Вечной.

Рассказывали они, как много вознесли молитв о христианской смерти. Рассказывали о возложенных на себя епитимьях, о долгих бдениях, посвященных этим глубоким и священным раздумьям. Говорили о том, как жить человеку, если он хочет быть готовым умереть с Господом. Я помню многие их рассказы. Может быть, когда-нибудь у меня найдется время записать их. Они составили бы замечательную, хотя и несколько шокирующую книгу раздумий для нашего суетного мира, который так преуспел в развитии культа

прекрасного тела и так упустил воспитание прекрасной души.

В окрестных деревнях, где я часто бывала с мамой по долгу милосердия или просто навещала ее родных и знакомых с няней, мы часто видели людей, отделяющих собственные гробы или ткущих саваны для себя или своих родных.

Для этих целей использовали самый лучший лен, отборное дерево и привлекали самых лучших мастеров.

Не забывали и умерших. Постоянно возносили к Небесам молитвы за упокой их душ. Строго соблюдали годовщины смерти, и в каждую воскресную Литургию умерших поминали по именам перед алтарем Господним.

Восточная Литургия несколько отличается от западной. В наших церквах дьякон или чтец при поминовении живущих, а затем при поминовении усопших читал имена их семейных книг, которые хранились у него. Эти семейные книги имели особое значение. Некоторые были в простых переплетах, отделанных серебром и золотом. Но каждая семья имела такую книгу. Книги имели две части: живые и усопшие.

Перед началом Литургии глава семьи внимательно просматривал книгу – размером она редко превышала пятнадцать на десять сантиметров. Он либо откладывал ее, как есть, либо добавлял новое имя в одну из частей книги. Книгу приносили в церковный притвор, где за столом восседал ризничий. Стол этот, кстати, был заполнен церковными свечами и просфорами. Верующие выбирали просфору и, может быть, и свечу и вместе с книгой отдавали свои пожертвования.

Хлебы и книги несли к священнику. Маленьким треугольным золотым ножом он вырезал маленькие

треугольные кусочки хлеба. Эти кусочки складывали в чашу и освящали как Тело Христово.

Итак, можно сказать: и живые, и мертвые приобщались к Священной Жертве через подношения верующих, как это было в дни, когда Церковь была молода.

Дни поминовения были важнейшими праздниками в России, потому что любовь к усопшим была глубока и непреходяща в сердцах ее народа. По всей стране в церковных службах и в заупокойных молитвах поминали усопших торжественно и в присутствии всей семьи. Весь день кладбища были полны людьми, которые молились, приводили в порядок могилы, навещали своих дорогих, спящих вечным сном.

По вечерам в церквях возносили еще больше молитв. Часто совершались шествия на кладбища с зажженными свечами, при этом все распевали литании и гимны. Зажженные свечи оставляли на могилах, в маленьких коробочках или в фонарях. Проходящие мимо видели чарующую игру огоньков и скользящих теней. Полагалось, чтобы каждый, кто увидел эти огни, прочел про себя молитву, проходя мимо.

Помолиться, проходя по кладбищу, по любому кладбищу в любом уголке страны, было непременно долгом для русского. Мужчины в знак почтения снимали шапки. Люди произносили про себя молитву о том, чтобы души усопших этого кладбища обрели истинное христианское упокоение.

Приводить в порядок и украшать кладбища – это было обычное богоугодное дело, но для меня это было и просто человеческое удовольствие, потому что русские кладбища были просто великолепны. Они неравномерно располагались вокруг церквей, по крайней мере, в деревнях.

Деревянные ограды часто окрашивали в красный, голубой или белый цвет. Некоторые оставались

неокрашенными и приобретали тот серый, шелковистый оттенок, который приобретает твердое листовое дерево под долгим воздействием дождей, солнца и снега, с легкими фиолетовыми или сиреневыми полутонами. Такие изгороди нравились мне намного больше, чем окрашенные. Над каждой могилой был деревянный крест, покрытый сверху чем-то наподобие деревянной крыши, которая превращала его в маленькую божничку, куда могли поместить иконку вместе с фонарем, чтобы зажигать его по большим праздникам вместо лампы.

И тогда кладбище выглядело чудесно, с его большими деревьями и простыми цветами, которые вдруг становились огромными в отблесках тихо покачивающихся фонарей.

На каждом кладбище были какие-нибудь укромные уголки, которые манили прохожих остановиться, отдохнуть немного и произнести молитву за упокой добрых христианских душ, которые мирно спят в таком приятном месте. Особенно мне помнится укромный уголок подле больших зарослей сирени, мимо которых я никогда не могла пройти равнодушно. Запах сирени разносился далеко-далеко, а под сиренью расстилался ковер из ландышей – любимых русских диких цветов, которых так много было на лесных полянах. Никогда более я не ощущала аромата более сладкого, чем этот смешанный аромат сирени и ландышей.

Весна и осень призывали жителей деревни на расчистку кладбища. Нужно срести опавшие листья, срезать засохшие сучья на деревьях, высадить новые цветы.

Кроме расчистки и украшения обиталища мертвых, другим богоугодным делом было приготовление тела к достойному погребению.

Заниматься этим было привилегией старших женщин, но они всегда брали с собой и кого-либо из

молодых, чтобы обучить их почетному искусству убирать усопшего.

Во время этой последней услуги, которую соседи могли оказать усопшему, читали Псалтырь и длинные, проникновенные молитвы за упокой души его. Во всем обряде не было ничего страшного или отталкивающего, и каждый жест был полон любви и уважения. А любовь имеет свойство все делать правильным и уместным.

Бдения у гроба проходили очень торжественно. Семья, случайные странники, монахини и друзья молились постоянно, сменяя друг друга. Ни на секунду тело не оставалось в одиночестве или без молитвы, пока оно оставалось в доме.

Да, смерть в моем русском прошлом была делом житейским – простым, красивым, священным, подготовленным всей жизнью, прожитой в согласии со святейшей волей Господней.

КНИГИ ЕКАТЕРИНЫ ДЕ ГУК ДОХЕРТИ (КОЛЫШКИНОЙ) НА
РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Апостольская нива
(только в интернете)
- Беседы на Страстной Неделе
(только в интернете)
- Дорогой отец
(в интернете и как печатные издания)
- Дорогой семинарист
(только в интернете)
- Истории русской странницы
(в интернете и как печатные издания)
- Каждый день – благодать
(только как печатные издания)
- Крестный путь
(в интернете и как печатные издания)
- Молчание Бога
(только в интернете)
- Моя Вчерешняя Россия
(только в интернете)
- На груди Господа
(только в интернете)
- На кресте отверженности
(только как печатные издания)
- Пустыня
(в интернете и как печатные издания)
- Рождественские колокола
(в интернете и как печатные издания)
- Самородки
(в интернете и как печатные издания)
- Сердце Богородицы
(в интернете и как печатные издания)
- Свет надежды
(только в интернете)
- Странник
(только в интернете)
- Юродивые христа ради
(только в интернете)

По территории России эти книги вы можете заказать наложенным платежом по адресу:

123104 г. Москва,
а/я 24
Новое Книжное Агентство?

Или по электронной почте post-katalog@yandex.ru

По вопросам приобретения книг обращайтесь по адресу:

Книжный магазин «Primus Versus»
Покровка, 27, стр. 1,
105062 Москва
Тел. (495) 223 5810
E-mail: primusversus@mail.ru
Website: www.dbiblio.org

Адрес в России Дома Мадонны, общины основанной Екатериной де Гук Дохерти:

660021 г. Красноярск
Дом Мадонны
Проспект Мира, д. 158, кв. 12
E-mail: mhkrasnoyarsk@mail.ru
E-mail: russia@madonnahouse.org

За пределами России заказывайте книги по адресу:

Madonna House Publications
2888 Dafoe Rd. RR 2
Combermere, Ontario K0J 1L0
Canada